

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ В ДОКУМЕНТАХ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИС ФЕЛИКС РАФАИЛОВИЧ

В 3 – 5 номерах журнала «Военно-исторический архив» была опубликована моя статья, основанная на архивных документах, о родственниках моей мамы, урождённой Хрипуновой Евгении Васильевне, отец которой, и мой дед Хрипунов Василий Георгиевич, а также его брат Михаил Георгиевич в гражданскую войну на Дону занимали довольно высокие посты у белых. Василий Георгиевич в 1918 году являлся руководителем восстания на начальном его этапе против красных в Усть-Медведицком округе и выборным Атаманом этого округа, а его брат, генерал-майор, последним командиром Лейб-гвардии Атаманского полка и активным сподвижником в эмиграции Великого князя Николая Николаевича. В статье говорилось и о других членах маминой семьи, пострадавших, как и её отец, от рук большевиков (он был расстрелян ими в марте 1920 года под Новороссийском).

В этой же статье речь пойдёт о моём отце, генерал-майоре Балтушис-Жемайтисе Феликсе Рафаиловиче, биография которого, на мой взгляд, столь

же интересна и поучительна, как и биографии Хрипуновых, живших в то время, когда трудно было быть долгожителем человеку, беспокоящемуся за судьбу страны, не равнодушному к произволу властей и несправедливости. Такое было время, время добрых надежд и больших разочарований, жестокое и в конечном итоге застойное по причине невзыскательного населения, быстро остывающего после «бунта кровавого и жестокого», и по новому витку продолжающего уповать не на свои силы, а на верховную власть. В результате чего за прошедшие 104 года после свержения романовской монархии в социальном плане в России и в странах бывшей Российской империи ничего не изменилось. Те же ложь, коррупция, цензура на ТВ и преследование инакомыслия вместо диалога с обществом. То же покидание главного кабинета в Кремле его небожителями ногами вперёд или пинком под зад. Та же помощь, идущая за границу мимо холопов, живущих за чертой бедности, в угоду бонапартистским устремлениям царя и вновь возродившемуся в стране классу капиталистов.

Те же самовластие, деспотизм и феодализм везде. В Украине махновщина и бандеровщина, в Прибалтике национализм и русофобия. Четырнадцать бывших республик Советского Союза - под влиянием Запада. А Россия в дополнение ко всем бедам, экономика которой за последние 20 лет упала почти до нуля, а рождаемость давно в закритическом минусе - в изоляции и под жёсткими санкциями ведущих стран мира. Не поверишь никому, в том числе и Ивану Шмелёву, утверждавшему, что «великие страдания очищают и возносят!». Наверное, и атомной бомбы для всех нас будет недостаточно, чтобы вознестись в селения праведных, как на земле, так и на небе.

И вся эта деградация в самой богатой природными ресурсами стране мира с талантливым и работоспособным населением, самыми плодородными землями, скрывающими в своих глубинах неисчислимы богатства полезных ископаемых по всей Таблице элементов Менделеева – из-за прочно укоренившейся в России пожизненной абсолютной монархии, парализующей все сферы деятельности страны, не позволяющей народу раскрыть свои таланты и способности, о чём предупреждает Закон Божий: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (От Луки 12 : 48). Ибо нельзя в наше сложное время и в такой огромной стране, как Россия, одному человеку верить себе всю судьбу страны. Лет 150 назад ещё можно было, в 21 веке – гибели подобно.

По иронии судьбы отец в апреле – июле 1918 года служил командиром полка у знаменитого полководца гражданской войны Ф.К. Миронова, являясь одновременно Начальником Кумылженского боевого участка Донской области (РГАСПИ, ф.17, оп.100. д.256/69, л.5). Станица Кумылженская в то время входила в состав Усть-Медведицкого округа, а это значит, что мои отец и дед воевали во главе своих полков друг с другом, не подозревая о том, что в будущем будут являться близкими родственниками. Но не этим только фактом примечательна биография отца. Являясь литовцем по национальности и имея за плечами богатый боевой опыт на фронтах

Первой мировой и гражданской войн, он в конце 1918 года по линии Коминтерна под именем Антанаса Иосифовича Жемайтиса (его настоящая фамилия Балтушис) был направлен на подпольную работу в оккупированную немцами Литву. Где в начале 1919 года организовал и возглавил восстание литовцев в г. Шавли (Шяуляе). В результате которого немецкий гарнизон был разоружён и в нём раньше других городов Литвы была установлена на несколько месяцев Советская власть.

Признаюсь, архивы по этой теме для всех исследователей в нашей стране до сих пор почему-то закрыты и мне пришлось пользоваться фондами Библиотеки Академии наук Литвы и ранними публикациями в литовских и зарубежных газетах на эту тему, тратя большие деньги на их переводы, ибо обрусевший отец не заботился о моём литовском воспитании и изучении языка предков по его линии. Да у него как сталинского военного чиновника не было для этого свободного времени.

Продолжая работать над этой темой, мне удалось дополнительно собрать большой материал о непростых советско-литовских отношениях с 1918 по год кончины отца, 1957-й, касающихся в той или иной степени моего любимого родителя, без упоминания имени которого вся история этих взаимоотношений была бы не совсем полной. Несмотря даже на то, что вся его революционная и военная деятельность у него на родине в настоящее время оценивается с большим знаком минус. Но это в настоящем времени. В дальнейшем, как говорится, «поживём, помрём, увидим», ибо муза истории Клио тоже меняется со временем вместе со всеми своими героями, которых нельзя стричь под одну гребёнку и оценивать с точки зрения сегодняшнего дня в стране, где историей всё ещё правит политика. К тому же скучной и неинтересной было бы всё наше прошлое без её противоречивых персонажей, деятельность которых оценивалась в годы советской власти однобоко, субъективно, зачастую несправедливо, что хорошо видно с высоты нашего наступившего два десятилетия назад 21 века.

Тем более, когда советско-литовские довоенные отношения сегодня в России особо не афишируются из-за не делающих чести решений коминтерновского руководства Советской России с его курсом на мировую революцию с оккупацией всей Прибалтики после Второй мировой войны. Тем самым продолжив завоевательную политику царской России в отношении соседних стран, и Литвы в частности. Имевшей в средние века даже своего короля, и поэтому занявшей особое место в российско-литовских отношениях на протяжении всей истории, с более тесными экономическими, культурными и брачными связями с соседней Россией (по мнению многих историков не только Смоленск, Псков и другие русские города в Средние Века входили в состав Великого Княжества Литовского, но и Москва, оборонявшаяся в 1382 году от войск хана Тохтамыша под руководством внука князя Ольгерда Остея). И не случайно поэтому немцы в годы Второй мировой войны из двух прибалтийских народов считали именно латышей (не считая эстонцев с их финно-угорским происхождением) более чистыми восточными пруссаками,

чем литовцев. Как, впрочем, и в России, именно Литву считают более славянской по многим историческим показателям, благодаря которым состоялся знаменитый диспут 19 марта 1860 года в актовом зале Петербургского университета. На котором маститый историк Погодин защищал концепцию о норманском происхождении первых русских князей-варягов в отличие от не менее известного историка Костомарова, отстаивавшего их жмудское (литовское) происхождение.

Ещё со школьной скамьи мы все хорошо знаем, что военная история строится вокруг сильных личностей, возглавивших что-то весомое на поле боя или некое гражданское движение, влияющее на исход важного для страны дела. Поэтому думаю, что читателям будет интересно узнать о моей версии далёких событий, основанных в первую очередь на биографии моего отца, занявшего далеко не последнюю роль (судя по архивным документам, публикациям в советской прессе и другим фактам) в истории советской Литвы, для более полного представления о Литве, входящей недавно в наш общий дом под названием СССР.

Балтушис-Жемайтис Феликс Рафаилович родился 30 ноября 1897 года в деревне Апидимы Тельшяйского района Ковенской губернии Литвы в крестьянской многодетной семье. Отец его, Раполас Балтушис (1869 – 1950), родился в деревне Пупонис (недалеко от Купишкиса) и относился к категории бедных земледельцев, который в целях выхода из постоянной нужды и получения образования всеми его детьми был вынужден выехать на заработки в Америку. Откуда вернулся с небольшим капиталом, позволившим наладить своё хозяйство и дать минимум образования сыновьям и дочерям.

О матери отца, Юозапоте Пилкаускайте-Балтушене (1864 – 1940), так же, как и о Раполасе Балтушисе мало что известно. Знаю только, что она родом из деревни Вежёнис Купишкского района. Тоже была крестьянкой.

Отец, насколько мне известно, поддерживал по мере возможности отношения со своими родителями, братьями: Людвикасом и Юргисом, - а также с сёстрами: Аделей и Казимирой, - несмотря даже на то, что, занимая довольно высокие посты в армии, - Командующего Литовской народной армией в 1940 году, командира 16-й Литовской стрелковой дивизии в 1942 – 43 годах, - он мог скомпрометировать себя связями с ними, – зажиточными крестьянами, находившимися в годы Великой Отечественной войны в оккупации. К тому же родной брат отца Людвикас в 1927 году эмигрировал в Америку Правда вскоре вернулся обратно, чем мог скомпрометировать отца фактом состоявшегося отъезда за рубеж.

До революции, как я уже писал, выехал на заработки и мой дед Раполас в Америку. Вернувшись в Литву с небольшим капиталом, что позволило отцу после нескольких лет обучения в сельской школе поступить в коммерческое училище города Ковно (Каунаса), закончить которое ему в 1914 году помешала война. Не имея ещё призывного возраста и желая продолжить учёбу и получить образование, он отправляется в Москву по

приглашению одного своего друга. В совершенно незнакомом ему городе устраивается на фабрику аптекарских товаров подмастерьем и параллельно сдаёт экстерном экзамены за 6 классов при 2-й московской гимназии, благодаря чему уже с таким солидным по меркам того времени образованием отправляется на фронт вольноопределяющимся, получив при Керенском первое офицерское звание прапорщика.

С 1915 по 1918 годы он на фронте, служит в 304-ом Новгород-Северском полку действующей 5-й армии. Последний его офицерский дореволюционный чин – подпоручик.

Позже он писал в своей автобиографии: «Во время февральской и октябрьской революций находился на фронте в 5-й армии под Двинском (Даугавпилсом. Авт.)... Участие в революции принимал незначительное. Был только выборным делегатом при армейском комитете 5-й армии...».

Из его послужного списка, хранящегося в РГВА на улице Адмирала Макарова известно, что в январе 1918 года он побывал в плену у немцев после отступления полка под Двинском. Вот как сам он нам рассказывал об этом событии.

«В январе 1918 года, лишившись в бою всех лошадей, я с группой солдат зашёл в одно крестьянское хозяйство, где нас и застали немцы. Пришлось без боя сдаться, ибо перевес был явно на стороне противника». Так он попал в лагерь для военнопленных под Двинском. Однажды при конвоировании, воспользовавшись замешательством в колонне военнопленных, он бежал, перемахнув через забор и, несмотря на свист посланных ему вдогонку пуль, благополучно скрылся, пробыв в плену всего несколько дней.

Вернулся ли он после побега в свою родную часть неизвестно. Но в феврале 1918 года в звании подпоручика отец прибыл, по данным справки с дореволюционной орфографией, в петроградский Отдел формирования и обучения при Всероссийской коллегии организации Красной Армии. И по распоряжению Командующего войсками Украины М.А. Муравьёва получает должность инструктора, а вскоре командира летучего партизанского отряда войск Донецко-Криворожской Республики. Со своим отрядом участвует в боях с немцами и белогвардейцами и, в частности, при оставлении Красной Армией Харькова весной 1918 года. В мае того же года с остатками своего отряда он поступает в распоряжение Командующего войсками Усть-Медведицкого округа Донской области Ф.К. Миронова, по приказу которого в станице Кумылженской формирует 3-й Казачий революционный полк, становится членом РКП/б, и во главе полка принимает участие в боях против войск Краснова.

На Дону он также со своим полком воюет в составе дивизии Блинова и не менее известного героя гражданской войны Киквидзе в должности начальника штаба дивизии.

Нет данных, с каким рвением отец выполнял свои воинские обязанности на Дону. Вряд ли из-за своей «мягкотелости», отмечаемой многими его начальниками и непосредственными командирами, он был способен на

жестокость по отношению к пленным или к местному населению, или вообще принимать какое-либо участие в развязанном на Дону «красном терроре». Видимо, поэтому он и не хватал особых звёзд за период всей своей службы в Красной Армии. Как известно, своим великодушием к пленным белогвардейцам известен и непосредственный начальник отца Миронов. И однажды в разговоре с мамой, хорошо помнившей Филиппа Кузьмича, он у отца с мамой оказался общим знакомым. В поступках и рассуждениях которого, создателя 2-й Конной армии, успешно воевавшей с белогвардейцами, было много пафоса и слов преданности борьбе рабочего класса во имя коммунистических идей и светлого будущего, что в то время воспринималось всеми как дело вполне обычное и свидетельствовавшее о политической зрелости произносившего высокопарные слова.

Это сегодня мы, читая объяснительные записки Миронова по поводу всех его экстраординарных поступков и по вопросу поднятого им мятежа против советской власти в августе 1919 года «во имя победы мировой революции», видим его искренность, трезвость мысли и фанатичную преданность делу «освобождения всех трудящихся мира от ига эксплуататорского класса». Но на суде, к которому его привлекли за мятеж, это воспринималось уже, очевидно, как демагогия авантюриста в целях сохранения своей жизни. К счастью за это восстание он был прощён и продолжал успешно воевать против белых. Что, в конце концов, не спасло Филиппа Кузьмича от чекистской пули в 1921 году в казематах московской Бутырки, куда он был помещён «за попытку свержения советской власти в Усть-Медведицком округе». А ведь он в мае 1918 года вместе с моим дедом баллотировался на пост Окружного атамана Усть-Медведицы. Казаки тогда отдали предпочтение отцу моей мамы, Хрипунову В.Г., полному георгиевскому кавалеру за Первую мировую войну, к тому же имевшему высшее юридическое образование.

И Миронову, чтобы полностью удовлетворить своё честолюбие, ничего другого, видимо, не оставалось, как перейти на службу к красным, тут же назначивших его в противовес деду Командующим войсками Усть-Медведицкого округа.

От самой мамы и её сестры, тёти Жени Калабиной, нам стало известно о белогвардейском прошлом нашей семьи по линии мамы и тёти Жени только в конце 70-х годов. До этого мы знали с их же слов, что дед был юристом и умер от тифа в 1920 году. Времена уже наступили такие, когда робко и шёпотом можно было говорить о своей контрреволюционной родне. И то с оговоркой, чтобы нигде эти «преступные» связи не афишировать. И, Боже упаси, не упоминать о них в заполняемых разного рода анкетах. Такое было время. Ну, а затем, уже с перестроечной говорильней, можно было об этом заявлять в открытую.

В октябре 1918 года отец был командирован на Тверские кавалерийские курсы, которые в ноябре того же года окончил с присвоением звания красного командира. Вот с этого времени и начинается его

подпольная шяуляйская эпопея на фоне готовящегося фронтального наступления Красной Армии на всю Прибалтику с единственной целью – разжечь огонь Мировой революции пока только в ближайших европейских странах, ещё совсем недавно входивших в состав Российской империи. Чтобы в дальнейшем, прогнав с их территории немецкие, литовские, польские и белогвардейские формирования, заняться вплотную революцией в Германии, недавно капитулировавшей перед странами Антанты. И надо сказать, что в конце 1918 года в Литве, как и в других прибалтийских республиках, имелись предпосылки для создания пятой колонны из коммунистов и захвата власти с их помощью. Ибо в декабре 1918 года в Литве столкнулись четыре враждебные друг другу группировки: немцев, литовских националистов, поляков и коммунистов, выступавших за присоединение к Литовско-Белорусской ССР в составе Советской России. Волнения на почве внутренних противоречий из Вильнюса перекинулись на всю Литву, пролилась кровь, чем и попыталось воспользоваться советско-коминтерновское руководство, не жалея при этом никаких денег для поддержки своих эмиссаров. Революционная ситуация в декабре 1918 года была явно на стороне большевиков. Воспользовавшись которой отца как имевшего большой опыт военспеца, верного большевика, положительно зарекомендовавшего в боях с врагами революции под Двинском, на Украине и белогвардейцами на Дону, направляют в оккупированную немцами Литву для подпольной работы в городе Шавли (Шяуляй) под именем, как я уже писал, Жемайтис Антанас Иосифович.

Вот как пишет об этом сам отец. (Статья в газете «Тиеса» за 11-е, 15-е, 16-е и 17-е октября 1957 года, перевод с литовского).

«В Шяуляй меня отвёз в кабине паровоза машинист из Радвилишкиса, угловатый неразговорчивый жемайтис. (Здесь житель Жемайтии, области Литвы, а он сам – ну прямо Ленин из кинофильма «Ленин в Октябре» Авт.). На перроне, подняв воротник тонкого пальто, обогнув стену здания вокзала, я сразу же направился в город. Который жил беспокойной, в ожидании больших перемен, жизнью. По улицам, стуча коваными сапогами, увешенные оружием, шагали немецкие патрули. Во многих окнах каменных домов над мешками с песком торчали пулемётные стволы. А на балконе одного разрушенного дома на ветру развевался неизвестно кем вывешенный красный флаг. Мимо спешили, разговаривая оживлённо между собой, прохожие.

Я зашёл в первую же попавшуюся мне на глаза столовую, чтобы пообедать и при расчёте обратил внимание, как официант с явной неохотой принял от меня остмарки.

Побродив по городу до наступления сумерек, я спустился в полуподвальное помещение небольшого ресторана со сводчатым потолком и колоннами. Устроившись в углу зала за неубранным столиком, я стал наблюдать за входящими посетителями. Вскоре увидел спустившегося высокого, немного

сгорбленного мужчину, который, оглядев тускло освещённое помещение, сразу же подошёл к моему столику и назвал заранее условленный пароль:

- Вы уже поужинали?

- Ещё и не начинал.

- Каролис Пожела,- представился мне молодой человек, о котором я знал, что в Шяуляе он руководит всей городской парторганизацией коммунистов.

Я назвал свою фамилию.

- Мы вас давно ждём. Нам очень нужен военный специалист.

Завязалась беседа и к нашему столику будто бы случайно подсели ещё несколько шяуляйских коммунистов.

Вдруг с улицы раздалась немецкая речь, и в дверях появились две фигуры немецких патрульных с карабинами на плечах.

- Всем оставаться на местах. Будет производиться обыск,- объявил на плохом литовском языке толстый фельдфебель.

Я тут же почувствовал себя неудобно, ибо на спине между лопаток в мешочке у меня лежала карта окрестностей города Шяуляя, план города и довольно солидная пачка денег, предназначенных на организационные расходы по подготовке восстания в городе.

Когда немцы подошли к нашему столику, я заметил, как Пожела невозмутимо отпивал по глоточку пиво. Толстые грубые пальцы фельдфебеля вывернули мои карманы, так и не нащупав глубоко спрятанного в штанах револьвера и мешочка на спине. После того, как заплывшие жиром глазки бегло пробежали по фотографии и записям в моём паспорте, обыску подверглись другие участники застолья за нашим столом.

Когда патрульные ушли, я предложил перебраться куда-нибудь в более безопасное место, на что Пожела, засмеявшись, сказал:

- Вы заметили, как невнимательно они проверяли?

Они уже все собираются в свой фатерлянд и на всё махнули рукой.

Удивляюсь, как им ещё хватило наглости организовать эту проверку. Ведь в городе уже во многих местах висят красные флаги.

В тот же вечер мы обсудили план дальнейших наших действий. После совещания Симанас Грибас проводил меня до квартиры одного рабочего фабрики Френкеля, где я должен был остановиться.

Через два дня мы опять в том же составе встретились в том же ресторане, и Пожела вкратце описал положение в городе:

- Немцы в городе уже власти почти не имеют, а мы пока не можем взять эту власть в свои руки. Настроение населения революционное, о чём красноречиво свидетельствовала вчерашняя демонстрация жителей.

Демонстрацию я видел – множество красных флагов и транспарантов с революционными лозунгами, портреты вождей пролетариата. Почти все

жители города участвовали в шествии по центральным улицам на глазах у немцев.

- Однако немцы ещё пытаются удержать власть,- продолжал Пожела,- стоит вспомнить, что через наш город проходят железная и шоссейная дороги: Рига – Кенигсберг. Это очень важные артерии, по которым беспрепятственно в Германию идёт награбленное оккупантами имущество не только из Прибалтики, но и из России. Поэтому эти две дороги имеют стратегическое значение для них. Шяуляйцы готовы создать Совет, взять власть в городе, захватить железную и шоссейную дороги. Настроение масс превосходное. Партийная организация города как никогда сильна, но без боя немцы Шяуляй не отдадут. Предстоят сражения.

- Оружие имеется?, - спросил я.

- Это на сегодняшний день наше слабое место.

Не имеем ни оружия, ни боеприпасов, ни взрывчатых веществ.

- Хорошо хоть люди имеются,- заметил я.

- В этом нет сомнений,- согласился Пожела,-

поэтому нашей первоочередной задачей и будет собрать, организовать и подготовить к боевым действиям наших будущих повстанцев.

На том и порешили – начнём с пополнения запасов оружия.

Через несколько дней кому-то из наших товарищей пришла в голову дельная мысль – сделать меня начальником милиции города Шяуляя, которая с согласия оккупационных властей тогда уже существовала. И, откровенно говоря, не знаю, кто мне в этом деле помог, но вскоре я получил официальный документ, подписанный немецким городским военным комендантом, что я назначен начальником милиции города.

Вскоре я уже сидел за поломанным письменным столом и просматривал список работников милиции. Это был довольно длинный перечень сотрудинок, большинство из которых, как меня предупредили, являлись сторонниками недавно образовавшегося в Литве буржуазного правительства. Пришлось срочно искать им замену.

В скором времени вместо старой тетради я имел уже новую, с новыми сослуживцами, многие из которых являлись кадровыми рабочими и бывшими фронтовиками, возвратившимися из Советской России. Из них мы и сформировали первый отряд по охране законности и порядка в городе. Не хватало оружия. На складе я нашёл только 23 покрытых ржавчиной винтовки, 2 сгоревших пулемёта и несколько револьверов. Весь этот ржавый металлолом совсем недавно принадлежал грабителям и налётчикам, и его трудно было называть арсеналом. Однако самым важным было то, что мы получили возможность полулегально иметь оружейный склад и собирать в него всё, что удавалось доставать разными способами.

Главным источником приобретения оружия являлись сами немецкие солдаты. За курево или кусок сала они притаскивали нам совершенно новые ружья, полные хлебные мешки с боеприпасами. Бывшие фронтовики приносили из своих домашних тайников своё оружие с густым слоем смазки.

Командированные в деревни люди также приносили с собой разного рода оружие, выменянное на что-нибудь у крестьян.

Вскоре наш арсенал насчитывал уже 45 исправных винтовок и два новых пулемёта и большое количество боеприпасов к ним. А тем временем нагруженные разным добром железнодорожные составы всё шли и шли через Шяуляй в Германию. Мы решили ускорить выступление.

Однако мы всё ещё оставались пешими, без средств связи, и хоть какого-нибудь транспортного средства. К тому же мы тратили очень много времени, посылая посыльных для оповещения своих сотрудников или передачи распоряжения. Посыльные не самый лучший способ для передачи информации, когда счёт иногда идёт на минуты или даже секунды.

Я уже писал о том, что немцы охотно меняли всё, что угодно, получая взамен продукты питания. Среди них даже встречались демократически настроенные военные, которые в душе проклинали Кайзера и его генералов, развязавших войну. И они с симпатией смотрели на нас, догадываясь, очевидно, в душе о наших намерениях.

Нам удалось завязать знакомство со скотниками конюшен комендатуры, согласившихся передать нам несколько лошадей с сёдлами. Договорились с ними, что мы сами придём к ним за лошадьми. Но когда пришли к ним в конюшню, нам в глаза неожиданно ударил луч карманного фонарика.

- Доннер ветер! (чёрт побери!),- вдруг послышался голос,- какого дьявола понадобилось тут начальнику милиции?

Встреча с посторонними лицами не входила в наши планы. Моргая глазами от яркого света, мне удалось разглядеть немецкого сержанта и с ним несколько вооружённых рядовых. Что это? Предательство или случайность? Не поверив невразумительным ответам с объяснениями нашего нахождения в комендантской конюшне любовью к лошадям, сержант, согнувшись, у себя на коленке написал записку и приказал своим солдатам передать её коменданту вместе с нами.

- В комендатуре вам всыпят за любовь к кобылам и чрезмерное любопытство,- добавил он.

И вот мы идём под дулами ружей по тёмным улицам разрушенного города и в головах лишь одна тоска и полнейшая неизвестность в отношении реализации задуманного плана. Какая нелёгкая понесла меня и моих людей в эту проклятую конюшню! Так влипнуть! Прощай теперь и кресло начальника милиции.

Вдруг неподалёку в переулке раздался выстрел. Нам приказали остановиться и вскоре мы увидели нерешительность на лицах своих конвоиров. Они о чём-то между собой стали шептаться. Вскоре мы узнали о чём – за всю нашу карманную наличность они согласны отпустить нас на все четыре стороны. Пришлось принять их условия и лишиться всех денег, предназначенных на покупку лошадей.

На другой день ко мне пришёл Муркенас, известный своими оригинальными идеями, и предложил довольно интересный план похищения машины коменданта, который уже в осуществлённом виде выглядел так. К зданию комендатуры подошёл наш человек и по-немецки поздоровался с шофёром коменданта, который, скрючившись от холода и стуча зубами, возился в моторе легковушки. Шофёр недружелюбно оглядел его и продолжил свою работу. Однако наш искуситель находит чувствительную нервную струну этого автомобилиста, заведя разговор об автомобилях вообще и комендантской в частности с рассуждениями о положительных и отрицательных качествах «форда» и «опеля».

- Как вам кажется, какое из положений клапанов лучше – верхнее или нижнее? - спрашивает он.

Шофёр понемногу оттаивает и вскоре разговор переключается на развлечения и утехы с женщинами.

- Жаль мне тебя, - вздыхает собеседник, - мёрзнешь тут, как собака, а комендант в это время лакает кофе с коньяком в своём тёплом кабинете. Знаешь что, у меня тут есть чекушка спирта. Шофёр шофёра не оставит в беде. Хлебни глоток.

Шофёр отказывается – во время службы нельзя и, кроме того, здесь его могут увидеть.

- Спрячемся на минуту вот в этих развалинах, - продолжает незнакомец, - и всё будет о кей.

Оба исчезают в развалинах.

К покинутой машине подходят пятеро наших людей.

- Завести нельзя, - говорит Муркенас, - пока с рукоятки будем запускать мотор, вся округа сбежится.

Люди хватаются за машину и начинают её толкать. Машина ни с места.

- Ротозей, - ругается Муркенас, запрыгнув в машину, - оставил включённой передачу.

Машина, ускоряя ход, катится в ближайший переулок.

Эту сцену я наблюдал со стороны. Однако вскоре не выдержал и бросился на подмогу. Так мы увели машину из-под носа самого коменданта, отомстив таким образом за «прерванное рандеву с лошадьми в комендантской конюшне», а точнее – за неудачную их покупку.

В дальнейшем эта машина сослужила нам хорошую службу, а Муркенас оказался отличным водителем, совершавшим важные рейсы без перебоев.

Заканчивался 1918 год. До нас дошли слухи, что в Вильнюсе уже создан Совет. А мы всё ещё толкались на месте, собираясь только взять власть в свои руки. Составив подробный план, мы 8 января 1919 года назначили днём начала восстания.

Немецкий гарнизон был расположен в двух местах: меньшая его часть – в двухэтажном каменном здании комендатуры в центре города, большая же – в фабричных помещениях, приспособленных под казармы, на окраине города.

Нужно было двумя согласованными ударами застигнуть немцев врасплох, не позволив им объединиться. С этой целью мы создали две ударные группы. Первая группа, вести которую было поручено мне, должна была напасть на комендатуру, а вторая под командованием Орлаускаса – захватить казармы. В назначенный вечером час наши люди, соблюдая правила конспирации, собрались в здании милиции. Мы распределили винтовки и патроны. Задачи всем были ясны и бойцы до полуночи молча сидели и курили, думая каждый о своём. В полночь мы выступили, и я со своей группой направился в сторону комендатуры. Накануне выпал мокрый снег и наши ноги неглубоко погружались во влажное крошево, искрящееся впереди разноцветными блёстками, отражая холодный свет луны, приветствовавшей нас таким образом своей иллюминацией. Разведчики, которых мы послали накануне на изучение пути, докладывали, что дорога свободна. До здания комендатуры мы так и добрались, не встретив по дороге ни одного немецкого патрульного. Согласно нашему плану, все люди под моим руководством непосредственно у здания комендатуры разделились на две группы, заняв позиции в нишах развалин и подворотнях.

Немцы ещё не спали. Почти во всех окнах горел свет. Когда со стороны казармы послышались треск пулемёта, частые винтовочные выстрелы и глухие звуки разрывающихся гранат, я подал знак и начался обстрел здания. Было видно по теням в окнах, как забегали немцы, раздались ответные выстрелы. Два немецких солдата пытались выбежать на улицу через двери, но, споткнувшись, рухнули на ступеньки. Приблизительно через час интенсивной стрельбы я увидел, как наши люди с правого крыла уже ворвались в комендатуру и внутри послышались грохот, крики, отдельные выстрелы. Мы тут же бросились внутрь. На первом этаже нас встретили сияющие радостные лица бойцов с докладом:

- Заняты оба этажа!

В длинном коридоре стояли пленные. Но где же офицеры? Где комендант? Неужели сбежали?

Мы стали осматривать помещения. Открываем одну дверь, обитую кожей, и застываем в недоумении, - в комнате вокруг стола сидит группа офицеров, и с напускным хладнокровием все пьют кофе. Надувшись, как павлин, сидит комендант с моноклем в глазу. Немцы нехотя встают, и по коридору катится всеобщий смех бойцов. Вдруг, как вихрь, между нами протискивается молодой парнишка в гимназической шинели и громким дискантом кричит:

- Хенде хох (Руки вверх!)

Под улыбки и смех собравшихся в кабинете бойцов.

У коменданта из глаза выпадает монокль и, когда парнишка-гимназист вытаскивает из его кармана бренок револьвер, делает незабываемую постную мину на лице. Вскоре я узнал, что этим энергичным гимназистом был Ионас Жибуркус (в настоящее время генерал Советской Армии).

Вскоре прибыл посыльный из казарм. Он доложил, что казармы заняты нашими. Немцы кто разбежался, кто взят в плен.

Город оказался в наших руках. Однако выстрелы на его улицах не стихали до самого утра.

Когда рассвело, я отдал приказ всем собраться возле комендатуры. Первым делом мы всех пленных выстроили в ряд. Их оказалось около 50 человек. Разрешив им всем забрать своё личное имущество, мы выделили им подводы и пешим порядком отправили всех в Германию. У нас было указание пленных не трогать и, разоружив, отправить домой. Чисто мироновское отношение к пленным и вряд ли по указке сверху. Известно, что Филипп Кузьмич, в дивизии которого какое-то время служил отец, отпускал пленных казаков домой с подводами для раненых и их имущества. Обеспечивая себе тем самым в будущем приток в дивизию свежих сил. Очевидно, что и отец рассчитывал в будущем на надёжных союзников из числа этих военнопленных в Германии на ниве мировой революции.

Построились и наши бойцы. Вид у них был явно невоенный – все были одеты, кто во что горазд. На бойцах можно было увидеть пальто, меховые шубы, всевозможные куртки. Несколько человек стояли в немецких шинелях. Разнообразным было и оружие. Всё же важным было другое: как я заметил, за одну прошедшую ночь отряд нашей милиции увеличился вдвое. Отличить на глаз, кто в этой пёстрой толпе новичок, а кто принимал несколько часов назад участие в восстании, не представлялось возможным. Поздравив всех с победой, мы стали подсчитывать трофеи. Они оказались немалыми. За рядами бойцов стояли 4 пулемёта в исправном состоянии, несколько миномётов, больше сотни винтовок и автоматов, куча револьверов. Стояла даже кем-то притащенная пушка. Ещё раз, нестройно, но громко и искренне прокричав «Валё!» (по-русски «Ура!»), мы двинулись в сторону казарм, где и обосновались со всеми удобствами.

В казармах наш отряд стал расти не по дням, а по часам. Непрерывным потоком потянулись к нам добровольцы, в своём большинстве имевшие уже при себе оружие, - винтовки и револьверы. И если в первые дни отряд пополняли только городские жители, то через несколько дней он стал расти за счёт и деревенской молодёжи.

Вскоре наш отряд вырос до 300 человек.

Партийная организация города Шяуляя решила сформировать из добровольцев первый литовский советский полк.

Огромный зал полон молодёжи. Председательствующий объявляет, что принято решение о создании первого советского литовского полка. Громкие аплодисменты, крики «Валё!». Успокоив зал, председательствующий продолжает:

- Предлагайте кандидатуру на должность командира полка. Тут же кто-то называет мою фамилию. Зал единодушно поддерживает. Товарищ Грибас рассказывает мою короткую биографию (мне тогда было чуть больше 21 года) и я становлюсь командиром полка. Точно так же был выбран комиссар полка. Им стал Симанас Грибас. Заместителем командира полка стал Орлаускас.

Это были незабываемые дни. Далеко по Жемайтии разнеслась весть о нашей части, и со всех концов области потянулись к нам пешие и конные, вооружённые и безоружные люди. Добровольцев в полк мы принимали без каких-либо формальностей. Только побеседовав с кандидатами. В скором времени наши ряды насчитывали уже 600 человек. Не было пушек, а то оружие, которое мы захватили в бою у немцев, не имело снарядов. Самым удивительным было то, что в пригороде города немцы оставили довольно богатые склады артвооружения, но снарядов нужного калибра в них не оказалось. Работники железнодорожных мастерских предложили нам свою помощь и вскоре снаряды от других систем они стали обтачивать на своих станках до нужного нам калибра. Работа эта была очень рискованной, но железнодорожники постарались. Только не на славу, ибо результаты такого труда вскоре дали о себе знать – после 12 выстрелов наша единственная пушка взорвалась. К счастью, только несколько человек при этом пострадали. Так наша мечта о своей артиллерии не сбылась.

Полк в это время жил разнообразной и сложной жизнью. Отряды из лучших, наиболее испытанных бойцов, мы посылали в разведку окрестностей города. Им часто приходилось сталкиваться с мелкими, шатающимися по лесам группами немецких солдат. После встреч с ними разведчики часто приносили оружие и боеприпасы.

Наладили военную подготовку и нужно сказать, что это оказалось очень трудным делом. Опытных фронтовиков-окопников в полку насчитывалось всего 3 или 4 человека вместе со мной. Все же остальные – зелёные юнцы, не нюхавшие никогда пороха. Бывших кадровых военных мы очень ценили. Одну часть из них мы сделали командирами всех степеней, другим доверили самое ценное в полку – пулемёты. Бойцы под нашим руководством с энтузиазмом изучали военное дело и вскоре, несмотря на все трудности, превратились в хорошо обученную армейскую часть, хотя и без тактических навыков в поле.

Были сформированы два пехотных батальона. Оружие имелось только на 600 бойцов. А так как наш полк перевалил вскоре за это число, то многие наши бойцы оставались безоружными и ждали своей очереди на его получение. Всё имущество и вооружение у нас было трофейное. Никакого обеспечения сверху всем необходимым для боеготовности полка не было. Была создана и миномётная команда, довольно сносно обеспеченная миномётами и боеприпасами к ним. Кавалерийский эскадрон насчитывал всего около 20 всадников. Несколько грузовиков составляли автомобильное подразделение.

Переход власти в Шяуляе в руки коммунистов, видимо, сильно беспокоил немецкое командование, находившееся в Каунасе. Из него в Шяуляй был направлен эшелон с солдатами. Недалеко от Радвилишкиса мы их встретили и огнём всех видов оружия обратили в бегство. Примерно в это же время в Тельшяе, где также была установлена Советская власть, немцам удалось разогнать органы местного самоуправления.

На какое-то время наступило затишье, но мы не тешили себя никакими иллюзиями и продолжали готовиться к тяжёлым и серьёзным боям. И не напрасно, ибо через какое-то время мне неожиданно позвонили со станции и сообщили, что со стороны Каунаса подходит немецкий бронепоезд. Я тут же приказал завести грузовики. Вскоре позвонил нам по телефону сам начальник бронепоезда и предъявил ультиматум – немедленно покинуть город. В противном случае он угрожал открыть по нему артиллерийский огонь. Пока шофёры заводили машины, я тянул время с переговорами, после которых быстро отобрал лучших бойцов, загрузили в кузова пулемёты и на полной скорости помчались на станцию. Наступил уже вечер, была слышна стрельба, и у самой станции мы встретили несколько железнодорожников, сообщивших, что они впереди и сзади бронепоезда разобрали пути, и таким образом он оказался в ловушке.

Увидев чёрные силуэты вагонов, я приказал бойцам растянуться в цепь и двигаться в их сторону. Вскоре мы залегли за бугорками, деревьями и разрушенными зданиями. Началась перестрелка. Через какое-то время бронепоезд начал движение назад, чтобы, очевидно, выбрать более удобную позицию для наступления. Приятно было слышать грохот и скрежет металла, сошедшей с рельс многотонной броневой крепости на колёсах. Два или три раза немцы пытались высадить десант, но наш ружейный и пулемётный огонь загонял их обратно.

После довольно продолжительной перестрелки немцы видя, что сопротивление бесполезно, выбросили белый флаг.

Разоружив гарнизон бронепоезда, мы тут же всех пленных отправили пешком в Германию. В поезде же нашли много огнестрельного оружия, гранат, патронов, а также несколько пулемётов. Железнодорожники быстро восстановили пути и мы с триумфом возвратились в Шяуляй на отбитом у немцев бронепоезде, да ещё с богатыми трофеями на его борту.

В один из дней конца января я получил сообщение, что в деревеньке, недалеко от Кельме убиты два бойца из нашего полка. Мы вдвоём с Грибасом на нашей трофейной легковушке с водителем Муркенасом направились тут же на место происшествия. Проехав более 30 километров, в небольшой деревушке мы увидели человека, взмахом руки просившего нас остановиться. Вскоре мы оказались в избе, где увидели два трупа. Это были наши разведчики. Я хорошо запомнил их лица: один пожилой с чёрными усами, другой – ещё мальчик с не знавшим бритвы лицом. Оба были проколоты штыками. Сразу же возник вопрос: кто их убил? Люди рассказывали, как в их деревню неожиданно нагрянул крупный немецкий отряд, заставший врасплох наших разведчиков, обедавших у местного жителя. Убив их, немцы тут же на санях уехали.

Известия не радовали душу. Откуда вдруг появились немцы и где они теперь? Что означает их внезапное появление? Отдав распоряжение, чтобы трупы наших людей были доставлены в Шяуляй, мы поехали обратно. Уже стемнело, задерживаться не было смысла, и Муркенас включил полную

скорость. Замелькали придорожные деревья. Неподалёку от Шяуляя дорога спускалась вниз, и машина на полном ходу влетела на мост. Вдруг мы увидели, что часть моста разрушена. Муркенас изо всех сил нажал на тормоз, но было поздно. Разогнавшаяся машина заскользила по снегу и, ударившись о перила моста, проломила их и рухнула в реку. Счастье, что река в этом месте была неглубокой и мы, без особого труда выбравшись из машины, в конце концов, оказались на берегу. Вид у нас у всех тогда был довольно унылым. У Грибаса, как потом оказалось, была сломана ключица, а Муркенас вообще лежал без сознания. У меня голова, из которой обильно текла кровь, оказалась разбитой, и тем не менее идти на поиски подмоги в состоянии был только я один. В ближайшей избе я нашёл местных жителей, согласившихся оказать нам медицинскую помощь.

Вскоре своих соратников я отправил в Шяуляй на подводе. Узнать же, кто повредил мост, так и не удалось. А ведь днём он был совершенно целым. Позднее выяснилось, что в окрестностях этого моста уже рыскали немцы.

Разбушевавшаяся в Европе реакция перекинулась и в наши края. В январе 1919 года революция в Германии была подавлена. В Шяуляй стали стекаться немецкие революционеры в поисках пристанища. Большая их часть была отправлена в Советскую Россию, часть осталась у нас. Германские реакционеры, возжелавшие заполучить обратно всю Прибалтику, сформировали для этих целей «Железную дивизию» под командованием фон дер Гольца, которую вскоре направили против нас. В этой дивизии насчитывалось около 20 тысяч хорошо вооружённых офицеров и солдат, поддерживаемых крупными артиллерийскими силами. В Литве и Латвии появились банды Бермонт-Авалова. Наши разведчики докладывали, что со стороны Германии появляются всё новые и новые соединения немцев. Однако мы уже были не одни. К нам на помощь пришла Красная Армия, несмотря на то, что в это время молодая Страна Советов переживала тяжелейшие времена. На юге страны шли ожесточённые бои с белогвардейцами за город Царицын. Шли тяжёлые бои и на других фронтах. Нужно было готовиться к отражению второго похода Антанты. Но когда коммунисты Литвы, взявшие власть в своей стране в руки, обратились за помощью к Советскому правительству, она сразу же была оказана, и началось формирование Литовской дивизии, в которую стали вступать как литовцы, проживавшие на территории России, так и люди других национальностей, включая и самих русских. В то же самое время формировалась и Интернациональная дивизия, также предназначенная для оказания помощи братским прибалтийским советским республикам в их борьбе против местной буржуазии, белогвардейцев и интервентов. Уже в начале 1919 года обе эти дивизии, укомплектованные личным составом, вооружением и техникой только на четверть, были направлены в Прибалтику. Литовская дивизия по направлению к Вильнюсу, Интернациональная была передана в распоряжение Советского правительства в Латвии. В начале февраля 1-я её бригада прибыла в Шяуляй,

и наш полк был передан в распоряжение командования этой бригады, силы которой, к сожалению, были довольно слабыми. В состав бригады входили: три полка по 200 – 300 солдат в каждом и, кроме трёх гаубиц, бригада не имела никакой артиллерии. (Очевидно, советское руководство надеялось на энтузиазм литовцев, которые, по их мнению, валом повалят во все соединения Красной Армии. Авт.).

В то время наш полк был довольно большим по численности. К тому времени он насчитывал в своих рядах 1000 человек личного состава, из которых, правда, только 500 – 600 были вооружены. На остальных мы смотрели как на резерв. В нашей пулемётной команде имелись уже 10 тяжёлых пулемётов. Миномётная команда была хорошо вооружена. В организационном отношении полк уже стал состоять из двух батальонов и кавалерийского эскадрона, не считая других подразделений. Правда, полк не был ещё обстрелян и не слажен в тактическом отношении. Хотя мы и прилагали все усилия по его обучению на поле.

В середине февраля все контрреволюционные силы начали широкомасштабное наступление по всему фронту с целью ликвидировать Латвийскую и Литовскую Советские Республики. Перед Шяуляйской группой нашей армии была поставлена задача занять Тельшяй. Выполняя этот приказ, отряды Интернациональной бригады продвинулись вперёд и в конце февраля вышли на линию: Тиркшляй – Тришкяй – Луоке – Шаукенай – Куртувенай – Бубяй. Командир бригады решил направить наш полк в Тельшяй, т.е. на важнейший участок фронта. Однако сил для этого у нас было недостаточно, а фронт наступления широким, - 150 км. Поэтому он решил направить второй батальон нашего полка на участок Куртувенай – Бубяй, где уже находились немцы. Таким образом, в момент решающей схватки с «Железной дивизией» наши силы оказались разрозненными. Полк под моим командованием выступил из Шяуляя 24 февраля. Нас было около 400 вооружённых бойцов. На следующий день мы без особых трудов достигли Куршенай и повернули левее, в направлении Луоке. 26 февраля наши кавалеристы захватили в плен группу немцев из личного состава «Железной дивизии». Это свидетельствовало о том, что где-то неподалёку находятся крупные силы противника.

На ночлег мы остановились в Луоке, используя все средства предосторожности. Вперёд, в направлении Тельшяя мы отправили сильный авангардный отряд, который вскоре остановился в усадьбе в нескольких километрах от Луоке. Вокруг своего месторасположения мы повсюду расставили охранные заслоны. Ночь прошла тихо. А утром, ещё до рассвета, впереди послышалась частая стрельба. Это наш авангард встретился с немцами. Вскоре прибежал связной и сообщил, что от Тельшяя в нашу сторону движутся большие силы немцев. Наши отступают.

Звучит сигнал тревоги. Полк срочно поднимается и занимает оборону на западной окраине городка. Вдруг совсем неожиданно немцы показываются с южной стороны нашей обороны. Куда делся наш охранный заслон, и почему

нас не предупредили – так и осталось тайной. Мы на место прорыва отправили всю пулемётную команду, и один храбрый пулемётчик так покосил немцев, что они, не выдержав пулемётного огня, бросились бежать назад и попали под другой перекрёстный огонь наших бойцов. Всё же нашему полку пришлось отступить с боями. Отступление прикрывали доблестные пулемётчики, блестяще справившиеся с поставленной задачей. От случайной пули погиб Муркенас, но мы даже не смогли должным образом в ходе непрерывных боёв похоронить этого прекрасного товарища. Пришлось вскоре оставить и Шяуляй. Силы наши значительно уменьшились, т.к. часть бойцов разбежалась по домам. Нашлись и предатели, перешедшие на сторону буржуазных националистов. Однако основное ядро выносливых и преданных делу революции товарищей, веривших в окончательную победу, осталось. Всего 400 – 500 человек, и было решено перебросить остатки полка в Укмерге, включив их в 1-ю бригаду Литовской дивизии. В Укмерге мы прибыли уже в апреле. Положение и здесь было напряжённым. 19 апреля польские легионеры совершили нападение на нашу столицу Вильнюс и вскоре захватили её. Затем начались сильные бои и под Укмерге, где снова хорошо проявили себя наши пулемётчики. Однако под натиском значительно превосходящих сил противника 4 мая мы были вынуждены оставить Укмерге. Постепенно, шаг за шагом, белополяки и литовские буржуазные националисты совместно с немцами вытеснили нас с территории Советской Литвы, и в конце лета 1919 года мы были вынуждены отступить в район Даугавпилса».

Эти воспоминания были написаны отцом в 1948 году по просьбе Фогелявичуса Бельяминаса (1907 - 1962, редактор, переводчик кафедры политэкономии Вильнюсского пед. Института) и впервые на русском языке в сокращённом варианте были опубликованы в сборнике статей, посвящённых 40-летию Пролетарской революции в Литве (Вильнюс, 1959 г, стр. 120 – 131). Ко мне в руки они попали дважды. Первый раз от сотрудников Библиотеки наук Литвы. С которыми в деле пополнения фонда № 328 Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. документами и книгами из его личного архива, доставшихся мне в наследство, я сотрудничал без малого 20 лет.

И второй раз в более полном варианте в отделе периодики Российской государственной библиотеки в Химках из газеты «Тиеса» на литовском языке.

В ходе дальнейших изысканий мне удалось собрать достаточное количество архивных документов, свидетельствующих о тех далёких драматических событиях в Литве, активным участником которых являлся мой отец.

Я думаю, что для читателей приведённые в этой статье артефакты вызовут определённый интерес и послужат пищей для размышлений о событиях у границ России, в соседней Литве, в 1918 – 20 гг, вызвавшие ответную реакцию со стороны Польши, войска которой внезапно атаковали западные области Советской России и 6 мая 1920 года захватили Киев. Что, однако, не спасло их в дальнейшем от поражения и отступления назад.

Приведу ещё несколько документов по теме «Восстание в Шяуляе в конце 1918 – 19 гг и судьба его руководителя». Стиль изложения сохранён.

«Рапорт командира бывшего 8-го литовского стрелкового полка Ф. Жемайтиса начальнику 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии Андрееву о прибытии в Купишкис отряда полка.
3 апреля 1919 г

Доношу, что отряд бывшего 8-го Литовского полка прибыл в м. Купишки, согласно вашему приказанию. Прибыло всего 98 человек: 19 пулемётчиков, 13 обоза, 16 штаба служащих и 50 штыков, обоз из 10 повозок и 20 лошадей, а из остальной части отряда сформирован по распоряжению губвоенкома продовольственный отряд и оставлен в м. Пандели.

Ф. Жемайтис»

Резолюция от 3 апреля 1919 г.

«Наштабу

Направить, как было приказано, в Литовскую дивизию, на правый фланг её расположения.

Андреев».

(ЦГАСА СССР, ф. 1042, оп.1, д. 25, л.106. Подлинник).

Вот это всё, что осталось от первого советского Литовского полка численностью в 1000 человек к 3 апреля 1919 года. Удивляет только тот факт, что несмотря на явные поражения на всех фронтах в Прибалтике, большевики, видимо, на что-то ещё надеясь, продолжали создавать продотряды, которые, как известно, кроме грабежа крестьян, пьянства и пустой болтовни, ничем больше не занимались. Тем самым, настраивая всё местное население против советской власти.

А вот ещё документ на русском языке, в котором отец предстаёт агитатором на всё ещё советской литовской земле в 1919 году.

«ОТЧЁТ

деятельности Агитационно-Просветительного Отдела от 17-го сего апреля, во время пребывания в Поневеже

Отдел прибыл 17-го сего апреля в Поневеж, сейчас же подзондировал почву для устройства митингов и спектаклей в революционном духе, что блестяще, при большом наплыве массы рабочих и красноармейцев удалось исполнить, а именно: 20-го сего апреля бесплатный митинг-спектакль на русском и литовском языках. Для более успешного распространения социальной литературы Отдел открыл в городе книжную лавку для продажи своей литературы населению и снабжает таковую из своей экспедиции.

Сего апреля два агитатора – организатора – Кекис и Тарвейнис для усиленного работы в самой при фронтовой полосе, которые непрерывно свидетельствуют о хорошем подъёме боевого духа красноармейцев, что достигнуто, благодаря их же частым и многолюдным митингам и беседам. Попутно с этим ими же организованы Волостные Военкомы и налажена в них работа в местечках: Понедели, Вобольники и Цовьяны. Прибывшие из Вильно в распоряжение Агитационно – Просветительного Отдела Агитаторы: Мицкевич, Новицкий, Шукис, Жемайтис... (далее неразборчиво). Отдел усердно хлопочет о получении литературы, для чего дал уже куда следует две служебные телеграммы, но ответа ещё не последовало. Отдел усердно готовится к празднованию 1-го мая с обширной политической и театральной программой и озабочен открытием красноармейского клуба, устройством целого ряда спектаклей-митингов, бесед, лекций и т.д. с просветительной целью.

Для проведения в жизнь вышеозначенной мною программы необходимы финансы хотя бы в размере 100 000 руб., каковых я не имею в своём распоряжении ни малейшей суммы, так как весь аванс взят Начальником Отдела, а потому могущие произойти на этой почве задержки, не должны ставится мне в вину.

Во избежание каких-либо недоразумений в Агитационно – Просветительном Отделе на финансовой почве я прошу немедленно выслать на меня 10 000 р. авансу».

(Литовский центральный архив, ф.Р-5, оп.3, д.15, лл 183,183об; Ф-р-29, оп.1, д.9, л.3; Ф.р-783, оп.1, д.2, л.1. Документы, касающиеся деятельности Феликса Балтушис-Жемайтиса).

Автор этого отчёта, к сожалению, неизвестен, Скорее всего, отчёт составлял русский. И документ, на мой взгляд, интересен тем, что несмотря на популярность, как тогда казалось, коммунистической идеологии, для успешной агитации за советскую власть литовского населения и бойцов Красной армии в одной только губернии требовались довольно значительные суммы неподотчётных денег, тратившихся этими агитаторами бог весть на что. Ведь как говорили политработники, когда я ещё служил в армии, что их работу нельзя взвесить, понюхать, измерить линейкой, почувствовать на вкус, пощупать рукой и т.д. Но она незримо присутствует в каждом военнослужащем. И в этом они считали их заслуга. Может, отчасти потому и развалилась наша армия в начале 90-х годов, что работу политработников нельзя было пощупать рукой, несмотря на огромные денежные вливания на её реализацию?

Какое-то время отец ещё находится на Западном фронте, но уже в должности помощника командира 1-го Литовского полка. В конце концов, после окончательного провала всей авантюры, предпринятой большевиками по завоеванию Прибалтики, войска выводят назад, а отца в августе 1919 года

направляют на учёбу в Москву, в Военную академию Генштаба. Учёба идёт с двумя перерывами:

с мая по август 1920 года – он на Польском фронте в должности начальника штаба 57-й стрелковой бригады;

с апреля 1921 по август 1922 года уже в должности начальника штаба 15-й Сибирской кавалерийской дивизии в боях против повстанцев Антонова на Тамбовщине.

За две эти кампании награждается почётными грамотами и серебряным портсигаром.

Была и попытка нелегальной командировки в декабре 1920 года опять в Литву, по поводу которой у меня на руках имеется документ из Архива общественных организаций Литвы.

«ВЫПИСКА

из протокола Заседания Загрюро К.П. Литвы от 19-го декабря 1920 года.

Присутствовали: т. АНГАРЕТИС, БОГУТСКИЙ и МУКЛЕВИЧ.

СЛУШАЛИ.

1. Посылка работников в Литву.

Тов. Ангаретис докладывает о том, что в З.Б. прибыл т.

Жемайтис,

которого т.Расикас отозвал из Школы Генштаба для отправки в Литву.

Отозван был без ведома З.Б. и о т. Ж. уже имеются

постановления З.Б.: не посылать его в Литву как неподходящего для партийной работы в Литовской Армии.

ПОСТАНОВИЛИ

1.Обратиться в Ц.Б. с тем, чтобы все сношения с Сов. Россией и посылка работников в Литву шли через З.Б., а не помимо него, о чём послать мотивированное письмо в Ц.Б.

Тов. ЖЕМАЙТИСА как неподходящего для партийной работы в армии в Литве вернуть обратно в Школу Генштаба.

ПОДЛИННЫЙ ЗА НАДЛЕЖАЩИМИ ПОДПИСЯМИ

С подлинным верно:...»

Хоть об отце и сложилось среди литовских коммунистов определённое мнение как о неподходящем и неудачливом революционере-интернационалисте, интересен тот факт, что все, кто выносил это

постановление, а именно: Богутский (по всей вероятности Богуцкий Вацлав Антонович) и Муклевич Ромуальд Адамович, - в 1937 г закончили свои жизни как враги народа с пулями в затылках в подвалах Лубянки. А Ангаретис Зигмас Ионович умер в тюрьме НКВД в 1940 г., куда он был заключён по обвинению в контрреволюционной деятельности

В сложившейся тяжёлой обстановке в Литве, как и во всей Прибалтике начала 20-х годов и в других странах Европы, когда попытки со стороны Советского руководства разжечь пожар мировой революции явно терпели неудачу за неудачей, нужны были виновники всех этих провалов с ответственностью за них «по законам первой в мире страны победившего социализма». Ибо все другие законы отсутствовали или находились в то время в стадии разработки. И взведённому ещё в 1918 году в России маховику революции требовались всё новые и новые самоедские жертвы для поддержания его работоспособности.

В этой связи приведу ещё одно свидетельство против отца видного литовского революционера Будинаса, которое очень хорошо характеризует дух 1919 «революционного» года в Литве, в которой не на шутку разыгрались страсти между всеми противоборствующими сторонами. Перевод с литовского.

«Вильнюс, 17 октября 1957 г.

Уважаемый товарищ Шармайтис! (В 1957 году он возглавлял Институт истории партии при ЦК КП Литвы. Авт.)

Я прочитал в «Тиесе» подготовленные тов. Каджюлисом к печати воспоминания Феликса Балтушис-Жемайтиса. Вам, как и Институту истории партии нужно знать правду, и поэтому ради правды я должен сообщить кое-что и только Вам.

Однажды утром (апрель 1919 г. Авт.) я прибыл из Тельшия в Куршенай, чтобы связаться по телефону с Шяуляем. (В Тельшияе телефона не было). Я позвонил Думше, с которым был знаком ещё со времён Петрограда и которого ЦК ЛКП считал ответственным за работу во всём том районе – от Шяуляя до самых рубежей Германии. Думша, подойдя к телефону, сказал мне: «Хорошо, что ты мне позвонил. Есть решение Особого Отдела Интернациональной дивизии немедленно, может быть, сегодня Жемайтиса арестовать. Не знаю, сделаю ли я что-нибудь, чтобы его спасти. Ты в дивизии имеешь хорошую репутацию, и поэтому немедленно приезжай, чтобы принять решение по этому делу».

Услышав это, я спросил, почему принято такое решение. Думша ответил, что всё началось с того бронепоезда и ещё некоторых мелочей. Я немедленно отправился в Шяуляй и прибыл в штаб бригады, где нашёл Председателя Революционного Трибунала Дивизии и Начальника Особого Отдела с подписанным у него в руках ордером на арест Жемайтиса. Поговорив с ним,

склонил их обоих к тому, чтобы арест отложить и впредь больше таких вещей без ведома ЦК КПЛ не делать. Распровавшись с ними, я отправился к Жемайтису.

Поскольку по всему Шяуляю был расклеен манифест Военно-революционного комитета Жемайтии (первое издание, на бумаге красного цвета), то жители Шяуляя думали, что их город принадлежит уже Тельшяю, и что верховная власть в Шяуляе тоже находится в Тельшяе, чего очень хотел Жемайтис. Он мне так тогда и сказал: «Вы создайте Совет Народных Комиссаров Жемайтии и назначьте меня Верховным Главнокомандующим Красной Армии Жемайтии над 1-ым и 2-ым Жемайтйскими полками и 1-ым Жемайтйским эскадроном». Я ему ответил, что в России такие решения коммунистов товарищ Ленин называет местничеством и противится ему. Я заверил его, что в Шяуляе он может не опасаться ареста. Только успел я вернуться в Тельшяй, как от Жемайтиса получаю пакет со следующим адресом назначения: «По месту пребывания Жмудского Правительства. Председателю Совнаркома тов. Будинасу». Я даже испугался, получив такой пакет, и на письмо не ответил. Вот вкратце его содержание: «В Шяуляе атмосфера очень плохая!... Я жажду настоящей работы... С командованием бригады отношения напряжённые. Бронепоезд я передал в бригаду. Собираюсь покинуть Шяуляй и с полком прибыть в Тельшяй».

Поскольку мы каждый день сражались то с немцами, то с Плехавичем, мы так устали, что я подумал, будет лучше, если придёт помощь. Но, обсудив это письмо на коммунистическом собрании, решили, что пусть Жемайтис защищает Шяуляй со стороны Кельме, т.к. если немцы займут Шяуляй, то мы окажемся в мешке.

В то время мы из Советской Латвии в благодарность за хлеб, посланный нами в Ригу, получили много оружия и решили «2-й Жемайтйский полк довести с 1000 до 2000 человек, организовать из него Жемайтйскую бригаду Красной Армии и уже придумали даже ей имя «Красной Блинды».

Возле Тельшяя вскоре разгорелись тяжёлые бои, и нам было очень трудно удерживать город от наседавшего врага. Я несколько раз посылал всадников в Шяуляй к Жемайтису с просьбой о присылке к нам на помощь хотя бы 200 – 300 красноармейцев. Он мне в ответ снова написал, что с командованием бригады у него разногласия, что его опять пытаются арестовать, и что он собрался сам прибыть в Тельшяй вместе с полком. Мы ждали день, ждали второй. На третий, не выдержав очередной штурм города, начали отступать по направлению к Тришкяю, т.к. все остальные пути отхода были отрезаны противником.

В Тришкяе Жемайтиса тоже не дождалось, отбив все атаки немцев после самых ожесточённых боёв. Но Тришкяй тоже пришлось оставить, и мы с остатками своих войск двинулись в направлении Наваренай. В Куршенае мы узнали наконец, что Жемайтис с полком двинулся по направлению к Луоке, а наутро он один-одинёшенек без шинели прибыл к нам в Куршенай, где я,

взяв бекешу Ческаускаса, отдал её Жемайтису, из-за чего мы с Ческаускасом сильно поссорились.

Во второй раз, возвращаясь уже из Вильнюса, я встретил его в Рокишкисе и вместе с ним выехал в Пасвалис к своим подразделениям. Там же оказался и К. Пожела. С сформированной вновь группой мы опять отступили в Пумпенай. Жемайтис меня снова обманул. (?)

Прибыв в Двинск, встретил опять Жемайтиса, только что выпущенного из тюрьмы. Он был арестован за то, что проиграл бой. Судил его Революционный Трибунал и, по словам Жемайтиса, узнал, что на суде «хорошие мужички попались и оправдали его».

С дружеским приветом Д. Будинас».

Судя по письму, отец по молодости лет увлёкся модной тогда партизанщиной и, будучи в душе романтиком, стал подумывать о ещё большей власти в Жемайтии, рассчитывая при этом на свои силы и связи. К тому же, обладая определённым авторитетом среди командного состава литовских формирований, наверняка не он один являлся инициатором этой идеи, - стать Верховным главнокомандующим вооружённых сил Жемайтии. В подтверждение же авторитетности отца среди литовских коммунистов приведу ещё несколько выдержек из различных литовских статей.

Газета «Советская Литва» от 30 ноября 1967 г.
Статья «Памятные встречи» Г.Пранцулиса.

«... Конец 1918 года. Немецкие оккупанты отступают с территории Литвы. Повсюду создаются коммунистические организации, возглавляющие движение народных масс за изгнание оккупантов, за установление власти Советов. Деятельностью коммунистов Шяуляя руководил Каролис Пожела. В те дни я впервые услышал о Жемайтисе. Леопольдас Василяускас, руководитель небольшой подпольной группы, в которую я входил, рассказывал мне, что какой-то Жемайтис назначен начальником гражданской милиции г. Шяуляя.

После изгнания немцев из Шяуляя я узнал от самого Жемайтиса, что он был направлен в город партией большевиков для организации восстания против оккупантов, разоружения местного гарнизона и создания воинского соединения (очевидно, первоначально коммунисты Шяуляя планировали создать не полк, а дивизию для защиты в городе и его окрестностях Советской власти. Авт).

Жемайтис сразу же произвёл на меня приятное впечатление своей военной выправкой, энергичностью и умением воздействовать на людей...

Человеком незаурядного мужества был Феликсас Балтушис-Жемайтис.

Помню, как он вёл себя в бою у Луоке. Перед Жемайтийским красноармейским полком была поставлена задача: развернуть наступление в

глубь Жемайтии и занять Тельшяй. После дневного перехода ночью в штаб доставили четырёх «языков». Я допросил пленных и от них узнал, что перед нами немецкая «железная дивизия».

Жемайтис направил вперёд заслон из пулемётчиков. Рано утром около имения Биржувенай завязалась перестрелка. Немцы пошли в наступление со стороны Тельшяй. Красный полк занял оборону.

Положение незавидное, поскольку у нас не было сапёрных лопат, и бойцы не могли окопаться. Они ложились прямо в снег, устанавливали пулемёты на открытой местности. Жемайтис умело руководил боем, проявляя храбрость и мужество.

Первые атаки немцев захлебнулись, но и наш полк понёс потери. Оккупанты открыли сильный артиллерийский огонь, пришлось отступить. Бойцы рассказывали потом, что Жемайтис в этом бою схватился с немцами, пытавшимися заколоть его штыками. Он не растерялся даже тогда, когда что-то случилось с его парабеллумом. Вытащил пашку, с которой никогда не расставался, и пустил её в ход. К счастью, на выручку подоспели наши бойцы и спасли своего командира.

Жемайтис всегда был чутким и внимательным. При отступлении полка из Шяуляя через Паневежис в направлении Купишкиса заболел мой самый близкий друг Леопольдас Василюскас. Он лежал без сознания с высокой температурой. Мы остановились в маленькой деревушке, недалеко от Купишкиса. Лекарств никаких. Медпункта нет. Оставить его одного было нельзя: белогвардейцы наверняка расправились бы с ним. А враг был совсем рядом. Я искал подводу, но не мог её нигде разыскать. Казалось, положение безвыходное. И вдруг, откуда ни возьмись, появился Жемайтис с повозкой. Командир спас нас обоих...

Как живой он стоит передо мной – отважный командир, всегда готовый к походу, никогда не боявшийся трудностей, требовательный подчинённым и прежде всего к себе, всегда бодрый и жизнерадостный.

Таким я помню Феликсаса Балтушис-Жемайтиса, и таким он останется в моей памяти навсегда».

Почти то же самое пишет об отце генерал-майор артиллерии П. Петронис, добавив, что «под командованием Ф.Балтушис-Жемайтиса полк в январе – июне 1919 года мужественно сражался в северной Литве с дивизией Бермонта-Авалова и частями литовской буржуазной армии...»

Е.Яцовскис в газете «Советская Литва» за 29 ноября 1987 года в статье, посвящённой 90-летию отца, ссылаясь на слова соратника отца Йонаса Жибуркуса пишет: «... В какой сложной обстановке пришлось тогда действовать Ф.Балтушис-Жемайтису! Контрреволюция оказывала яростное сопротивление воле народа и старалась всячески навредить Советской власти. В Шяуляе прямо на улице кто-то выстрелил в командира полка из-за угла. В другом случае на него совершили нападение двое бандитов, и лишь подоспевшие солдаты его выручили...»

О том, что отец в первом бою под Шяуляем при отражении атаки немцев со стороны г. Кельмы был ранен осколком от снаряда в голову, я знал от него самого. Этот факт подтверждается и представлением на него к награждению его орденом Красного Знамени от 3.01.1928 года, подписанное бывшим членом ЦК КП Литвы и Белоруссии В.Мицкевич-Капсукасом и бывшим Командующим в 1920 году Мозырской группы Хвесиным. Заранее оговорюсь, что награждение тогда этим орденом по каким-то причинам не состоялось, и только в 1938 году отец получил свою первую награду в виде юбилейной медали «20 лет РККА», которая в то время очень ценилась всеми командирами Красной Армии.

Вот это представление к ордену, которое передала мама в Литву ещё в 1957 году, и копию которого мне прислали из Каунасского военно-исторического музея имени Витаутаса Великого.

«Фамилия – Балтушис-Жемайтис

Имя, отчество – Феликс Рафаилович

Занимаемая должность – мл. пом. Инспектора кавалерии РККА

Партийность – член ВКП(б) с 1918 г

Национальность – литовец

Прохождение службы в Красной Армии

1. В Красную армию поступил добровольцем 17 февраля 1918 г.
2. Отправлен в распоряжение Комвойск Украины Муравьёва.
Назначен командиром партизанского летучего отряда Донецкой Республики.
Участвовал в боях с немцами при оставлении Красной Армии Харькова Весной 1918 года.
3. В апреле 1918 года с отрядом переброшен в Донскую область в распоряжение Миронова. Сформировал в Кумылженской станице казачий революционный полк, с которым участвовал в боях против Краснова.
4. В мае 1918 г с полком перешёл в подчинение Киквидзе, участвовал в боях под Еланью.
5. В октябре 1918 г отправлен на Тверские кавкурсы.
6. В ноябре 1918 г отправлен в распоряжение организатора Литовской Красной Армии т.Расикаса. Т.Расикасом в этом же месяце был послан в Литву, оккупированную немцами, для поднятия восстания в Шавельском районе с целью установления Советской власти в Литве.
Прибыв подпольно в г.Шавли, установил связь с местной коммунистической парторганизацией. Совместно с другими коммунистами тайно подготовил восстание и в январе-месяце 1919 года поднял восстание. Бывший в г.Шавли немецкий отряд

оказал сопротивление, но был обезоружен. Было взято 80 винтовок, 2 пулемёта и 1 орудие.

Восставшие шавельские рабочие после победы организовали Жмудский Красный полк. Командиром полка был избран т. Жемайтис.

Немцы в течение января и февраля-месяце несколько раз пытались выбить восставших из г.Шавли. Первые попытки наступления были произведены со стороны г.Кельмы, но полком эти попытки были отбиты. Т. Жемайтис, руководя полком в этих боях был ранен в голову. Вторая серьёзная попытка немцев была произведена со стороны г. Ковно. Из Ковно для занятия г.Шавли был выслан карательный отряд во главе Бронепоезда. Под ст.Радвилишки карательный отряд немцев был разбит и отошёл обратно в Ковно, бронепоезд был взят в плен. В этих боях Жмудский полк, руководимый т.Жемайтисом, взял в плен несколько десятков немцев, сотни винтовок и 10 пулемётов.

7. В апреле 1919 года Жемайтис руководил наступлением Жмудского полка, переименованного в 8 Литовский полк, на г.Тельшяй, участвовал в бою под Луоки, в котором превосходящими силами Бермонт-Авалова Жмудский полк был разбит.
8. С остатками полка был откомандирован в 1-й Литовский полк. Участвовал в боях под Вилькомиром, под Поневежем и под Ново-Александровском в должности пом. командира полка и Командира полка.
9. В августе 1919 г. командирован и поступил в Военную академию.
10. Весной 1920 г. по личной просьбе командирован на Западный фронт. Назначен наштабригом 170, 57 стр. дивизий и пом. наштадива.
Участвовал в боях под Брест-Литовском и Кобриным.
11. В декабре 1920 г. откомандирован обратно в академию.
12. В мае 1921 г. командирован в распоряжение Комвойск Тамбовской губернии. Назначен наштадивом 15 Сибирской кавдивизии. После ликвидации восстания был награждён серебряным портсигаром.
13. В сентябре 1922 г. окончил Военную академию.

Тов. Ф.Р.Жемайтиса знаю главным образом по его работе в Литве в конце 1918 г. и в 1919 г.

Подтверждаю факты, относящиеся к этому периоду. Считаю т.Жемайтиса

вполне достойным к представлению к
 высшей награде Республики Советов -
 ордену Красного Знамени.
 В.Мицкевич-Капсукас
 2.01.28 г. (б. Чл. ЦК КП Литвы и
 Белоруссии в 1918-20гг).

Изложенное в п. 10 подтверждаю. Со своей стороны, считаю, что
 т. Жемайтис вполне достоин награждения за свою работу в составе 57
 дивизии Мозырской группы 1920 г. орденом «Красного Знамени», о чём и
 ходатайствую перед РВСР.

Бывший Команд. Мозгруппы Хвесин

3.01.28 г.

г. Москва

С подлинным верно. Секретарь инспекции кавалерии ГУРККА
 Сафронов

КИМ. 7419-С.»

Никакой награды, как я уже писал, отец тогда не получил. Очевидно за
 указанное в представлении непосредственное подчинение в 1918 году
 Миронову, арестованному по подозрению в контрреволюционной
 деятельности и убитому якобы случайно в заключении в Бутырской тюрьме
 Москвы в 1921 году. По тому же самому обвинению были расстреляны в
 1938 году и бывшие начальники отца Хвесин и Расикас.

А вот как оценивается революционная и военная деятельность отца в
 современной Литве и в частности его родственниками.

Журнал «Купишкис» №1 (2003г)
 Перевод с литовского.

Регимантас Пилкаускас.

«... Феликс Балтушис, приглашённый купишкинцем Лисасом, отправился в
 Москву учиться. Когда началась Первая мировая война, его призвали в
 армию и дальше он обучался в юнкерской (Российской военной) школе.
 Когда в 1917 году в России произошёл Октябрьский переворот, и
 большевики начали расстреливать царских военных, двадцатилетний
 прапорщик (на самом деле, подпоручик. Авт.) царской армии сорвал с себя
 погоны и перешёл на сторону большевиков. Принимал участие в Российской
 Гражданской войне. Полк, находившийся под его командованием, сражался
 на Южном фронте.

В декабре 1918 года коммунисты послали его под именем Антанаса Жемайтиса в Литву, чтобы организовать в ней пятую колонну. Как рассказывала его сестра Казимира, Феликсас приехал к ней с полным чемоданом денег. Обосновавшись в Шяуляе, он пригласил её жить к себе и нанял ей учителя музыки для обучения игры на пианино. (Помню, отец очень любил, когда мама садилась за пианино и играла музыку из своего, как мы называли, «белогвардейского репертуара», а также из репертуара советской эстрады. Отец тянулся к прекрасному и поэтому в доме по праздникам у нас всегда было много гостей, играл патефон, и все мы гордились мамой, когда под её пальцами из нашего «Беккера» раздавались живые мелодии русских романсов, вальсов, полек, шимми и других музыкальных произведений. Авт.) А сам он в Шяуляе организовал так называемый «Литовский Жемайтский полк» Красной Армии.

27 февраля 1919 года в сражении с немцами при Луоке Жемайтский полк лишился двухсот человек. Командир полка Ф. Балтушис со своими воинами отступил в Йонишкелис. Завернув в Шяуляй к сестре Казимире, Феликсас только и сказал: «Я ускачу, а ты поезжай домой». Родители Балтушиса, очень богобоязненные люди, молились: «Боже, помоги большевикам, чтобы только Феликсас остался жив». Но Литовская армия выгнала Красную армию с территории Литвы, а вместе с ней и Феликсаса Балтушиса...

После оккупации Литвы Советской армией в 1940 году сразу же начались ссылки литовских семей в Сибирь, и родственники часто вспоминали дядю Феликсаса, надеясь на его заступничество. (Отец в 1940 году занимал пост Командующего Литовской народной армией. Авт.) Об этом мне довелось услышать летом 1953 года, когда я с родителями гостил в Апидимай (родине отца. Авт.) у дяди Юргиса Балтушиса. Мой отец разговаривал тогда с двоюродным братом на купийшкском наречии и все разговоры вертелись вокруг ссылок, раскулачиваний и как от всего этого избавиться. Жена дяди Юргиса, Она Василяускене, родившаяся в 1902 году, происходила из большой семьи. Пятеро её братьев, литовских партизан, погибли в бою с чекистами в лесу. Семья Юргиса Балтушиса подверглась раскулачиванию. Дядя Юргис рассказывал, как в Вильнюсе он попал на приём к Мечисловасу Гедвиласу, бывшему в то время Председателю Совета министров Литвы, и представился ему как брат генерала Балтушиса, и вопрос был быстро улажен. Им вернули дом, часть имущества и они смогли опять хоть как-то жить на родной земле.

В 1948 году сестра Феликсаса, Казимира, со своим вторым мужем и двумя маленькими детьми готовилась к ссылке в Сибирь, и они уже были посажены в вагон. Её сестра Аделя немного умела говорить по-русски, она несколько раз обращалась к начальству и всё повторяла: «Брат генерал, а сестра сидит в вагоне на высылку». Начальник Рауденской безопасности, знавший о связях Казимиры с генералом Балтушисом, согласился отпустить её и её семью из вагона. Однако, когда сотрудники безопасности начали расспрашивать

Казимиру о брате, она, боясь навлечь беду на брата, стала утверждать, что он якобы не родной ей брат, а сводный.

Все дети Балтушисов были зажиточными земельными собственниками, умели вести хозяйство, и почти все они так или иначе пострадали от Советской власти.

В Советской России крестьянин, имевший свою землю и успешно работавший на ней, ассоциировался у властей и у соседей с кулаком – мироедом, врагом народа. Поэтому генерал Балтушис везде представлялся сыном сапожника. (Я об этом от него никогда не слышал, и не видел ни в одной анкете или в каком-либо другом документе. Отец везде писал, что он из крестьян. Авт.). И в самом деле, его отец Раполас хорошо умел чинить обувь...»

Мама мне рассказывала, как уже после войны на имя отца пришло письмо из Литвы, в котором родственники просили заступиться за одного своего тоже родственника-лесного брата, которому грозил расстрел «за убийство милиционера». Представляю состояние отца после такой просьбы! Хотя кто знает, что тогда творилось в его душе!?

От отца мне и моим братьям приходилось слышать, что он какое-то время находился на территории послекайзеровской Германии. Рассказывал о порядках в германской армии, о демонстрациях рабочих и революционных событиях, как их показывали в то время по телевизору. Который марки «Москвич» появился в нашей квартире в 1949 году. Ни я, ни мои братья не придавали тогда этим словам никакого значения – количество советских людей, побывавших в германии в 40-х – 50-х годах было превеликое множество. Только позднее до меня дошло, что отец мог находиться в Германии после революции только нелегально. В подтверждение этих слов приведу здесь ещё одну выписку из той же статьи соратника отца по восстанию в Шяуляе Пранцулиса.

«... Вновь мне довелось встретиться с Ф. Балтушисом совершенно случайно, кажется, в 1923 году. На вокзале в Шяуляе я увидел выходящего из вагона Жемайтиса. Подбежал к нему, поздоровался, но поговорить нам не удалось. Он лишь успел сказать, что едет советским дипкуррьером в Каунас и просил отойти, так как за каждым его шагом следит жвальгиба (полиция. Авт.)...»

С какой стати отец вдруг в 1923 году из советского военачальника, год назад окончившего Академию им. Фрунзе, вдруг превратился в дипкуррьера и едет зачем-то за границу. По накалу страстей 1923-й год вошёл в историю как год наивысшего противостояния между Советской Россией и Германией. Когда в результате подрывной деятельности литовских националистов на её территории от Германии в пользу Литвы отошла Мемельская (Клайпедская) область, как об этом свидетельствует «Малая советская энциклопедия» за 1940 год.

В июне 2004 года, работая в читальном зале Российского государственного военного архива на улице Адмирала Макарова, я обратил внимание на один пробел в приказах по 10-й стрелковой дивизии, в которой

служил отец, судя по документам, с сентября 1923 года по июль 1924 года. Впервые фамилия отца как начальника штаба этой дивизии, дислоцированной в то время в Петрограде, значится под повседневными приказами по строевой части под номером 453 от 26 сентября 1923 года (ф.1218, оп.1, дело 197). Далее по 30 октября того же года значится фамилия прежнего начальника штаба соединения Белокопытова. И только с приказа №525 от 1 ноября 1923 года стоит опять фамилия Жемайтис.

Вот что говорится в этом последнем приказе:

«Прибывшему 30 октября с/г в моё распоряжение 1-ому помощнику начальника штаба 1-й Конной армии тов. Балтушис-Жемайтису Феликсу Рафаиловичу вступить в должность начальника штаба вверенной мне дивизии...

Справка: предписание штаба 1-й Конной армии за №10434 и рапорт тов. Жемайтиса...

Врид командира дивизии Шеко
Комиссар дивизии Михайлов
Врид НШ Белокопытов».

В течение месяца отец принимал штабные дела? Вряд ли. Кто б ему позволил так долго вступать в штабную должность, на которую отводится максимум трое суток? А если предположить, что позволили по причине болезни, то почему под последним приказом Белокопытов указан как ВРИД начальника штаба, хотя до 26 сентября 1923 года он значится как начальник штаба дивизии.

Сразу по прибытии в часть отец был направлен в отпуск? И это в то время, когда в Европе сложилась революционная ситуация с уникальной возможностью для разжигания пожара мировой революции в Европе. Когда запыхали восстания в Клайпедо и Гамбурге и вот-вот запылают пожары по всей Европе. А все части и соединения РККА приведены в повышенную боевую готовность, подвергаясь чуть ли не каждый день разного рода проверкам и инспекциям?! Вряд ли тогда вообще кто-нибудь в то тревожное время находился в отпуске.

К тому же известно, что знаменитое Гамбургское восстание 23 - 25 октября 1923 года в Германии под руководством секретаря Коминтерна Карла Радека проходило также с участием нескольких сотен военных специалистов из СССР во главе с Тухачевским.

Восстание было подавлено, все экспортёры революции вернулись назад в Советскую Россию. А вместе с ними, очевидно, и отец, которого по ходатайству Коминтерна вполне могли командировать в 1923 году в Германию как специалиста по мятежам и «пропагандиста-агитатора» с большим опытом нелегальной работы. К тому же и отец сам, сидя вечером всей семьёй у телевизора иногда комментировал хронику разгона демонстраций в Германии 20-х годов и знания особенностей службы в

германской армии, чем выдавал себя хотя бы как свидетель тех революционных событий в Германии перед приходом в ней к власти Гитлера.

С 30 октября после месячного перерыва он опять вступил в должность начальника штаба дивизии. Никаких документов, свидетельствовавших о его болезни, отпуске или о какой-нибудь командировке внутри страны или за её пределы я в указанном выше архивном деле не обнаружил.

Вообще, надо отметить, что послевоенный период 1918 – 1923 годов играет большую роль в истории всего мира в деле создания советских республик и его трагических последствий под руководством Третьего интернационала, который с завидным упорством плодил марионеточные правительства везде, где только можно, в том числе и в Германии под руководством советских евреев в Берлине в ранге послов: Иоффе А.А. в 1918 году, Крестинского Н.Н. в 1922 – 23 гг. А также их агентов: Розы Люксембург, возглавлявшей Спартаковское движение, Карла Либкнехта, Клары Цеткин, Эрнста Тельмана, Карла Радека, Тухачевского с его военспецами из Советской России и т.д., что в значительной степени поспособствовало приходу Гитлера в 1933 году к власти, Холокосту и созданию антикоминтерновского пакта «Берлин – Рим – Токио» с дальнейшими для всего мира трагическими последствиями.

Так, в 1918 году была провозглашена Эльзаская советская республика, затем в 1919 году – Баварская, Бременская, а также Германская, образованная уже после гражданской войны в Германии в 1919 – 20 гг. И всё с центром руководства из Москвы, с большим количеством жертв в результате боёв с германскими правительственными войсками.

В январе 1923 года произошло Мемельское или Клайпедское вооружённое восстание в Германии под руководством коммунистов, а в октябре 1923-го восстание в Гамбурге. Экспансия коммунистов в Европу со стороны СССР продолжалась и далее, ибо тогда считалось, что силами одной только России, без участия ведущих европейских держав, вставших с помощью Советской России на путь социализма, социализм в России невозможен.

И так до самого нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года, о чём свидетельствует Нота Германии СССР от 21 июня 1941 года.

А мы ещё до сих пор спорим, кто развязал Вторую мировую войну, и почему-то считаем, что Гитлер, верим, что Холодная война началась с речи Черчилля в 1946 году в Фултоне США. Забыв совершенно, чему нас учили в школах и ВУЗ-ах до Великой Отечественной войны и какое-то время после неё, о чём хорошо свидетельствуют наравне с ленинскими работами открытые статьи и заявления Сталина, рефреном в которых звучит, что «империализм, переживающий последнюю стадию своего развития и на волне своего третьего последнего кризиса, непременно развяжет новую мировую войну, чтобы сохранить своё господствующее положение в мире» (я ещё помню, как нам уже после ВОВ в школах и военных училищах на уроках обществоведения и истории КПСС внушали эту аксиому). Отсюда делался

вывод, что нужно серьёзнейшим образом готовиться к превентивному удару по «загнивающему» Западу, чтобы сразу лишить его мобилизационных и свободных для манёвра возможностей в результате первых внезапных атак на всю глубину вражеской обороны. Поэтому и довоенная доктрина СССР предусматривала в основном только наступление. Оборона для молодого пролетарского государства серьёзно не изучалась и не рассматривалась в штабах и академиях как не свойственная армии нового типа с её рабоче-крестьянским классовым народным характером в предстоящих сражениях, когда пролетарии всех капиталистических стран как «могильщики капитализма» по Марксу являются надёжными союзниками молодой Страны Советов. А солдаты буржуазных армий, те же рабочие и крестьяне в военной форме одежды, при первых же соприкосновениях с Красной Армией повернут оружие в сторону своих эксплуататоров и массово будут переходить на советскую сторону.

Поэтому наступлению отводилась главная роль в современной войне, а обороне второстепенная в целях подготовки условий для перехода в наступление.

Даже опыт неудачных кампаний 18 – 20-х годов в Финляндии, Польше, Венгрии, Прибалтике и в других странах ничему не научил советских руководителей, предполагавших уничтожить врага в ходе контрударов на его территории.

По этой причине большинство военачальников не уделяли до войны должного внимания вопросам стратегии. Ещё в 1935 году заместитель начальника Академии им. Фрунзе бывший будённовский конник Е.А. Щаденко пытался прервать чтение курса лекций по теории стратегии, заявив начальнику военно-исторического факультета:

- Какая ещё стратегия? Стратегией занимается лично товарищ Сталин.

Первые же дни Великой Отечественной войны показали всю губительность для СССР всех этих новаций.

После литовских событий и окончания академии в 1922 году у отца до самого его увольнения в запас в 1954 году, судя по его послужному списку, идёт чересполосица должностных взлётов и падений.

Так, с августа 1922 года по февраль 1923 –го он всего лишь командир эскадрона, хотя только в прошлом году стоял на должности начальника штаба дивизии. Потом снова служба на посту начальника штаба дивизии и неожиданный престижный скачок вверх – аж целых 7 месяцев он возглавляет оперативный отдел штаба 1-й конной армии у Будённого. Затем опять падение – он опять начальник штаба дивизии.

В 1924 – 25 гг – «для поручений Инспектора кавалерии Красной Армии» в Москве. Затем следует опять повышение – с марта 1925 по август 1928 гг он -

помощник Инспектора кавалерии, снова под непосредственным патронажем у Будённого.

В 1928 – 30 гг опять скачок вниз до должности командира 25-го Заамурского кавалерийского полка.

В личном деле отца, хранящемся в Центральном архиве Минобороны в Подольске, имеется выписка из протокола заседания проверочной комиссии ЦКК ВКП/б по чистке и проверке рядов ВКП/б актива парторганизации дивизии от 5.10.1929 года.

«Балтушис-Жемайтис уделяет много внимания своему личному быту в ущерб работе. (Не понятно, почему улучшение личного быта в то время рассматривалось начальством как «ущерб работе»? Авт.)

Слушали

Жемайтис Ф.Р., рождения 1897 года, сын крестьянина-середняка (существенное черездефисное дополнение. Авт.). В царской армии служил с 1916 года (на самом деле с 1915-го. Авт.) добровольно, подпоручик. За боевые отличия произведён в прапорщики (так в тексте).

В Красную Армию поступил добровольцем в 1918 году. Имеет награду за боевые отличия в Красной армии – грамоту РВСР. Окончил в/академию, член ВКП/б с 1918 года. Партбилет №0050646.

Имел партийные взыскания:

выговор за ссору с военкомом (теперь снят),
за неуплату в кассу денег поставлено на вид.

Ныне тов. Жемайтис работает командиром 25-го кавполка и военкомом.

Постановили

Считать проверенным, рекомендовать большую общительность с массами». С 30-го года он опять в Инспекции.

С 1932-го опять падение, но уже до начальника штаба корпуса с относительной устойчивостью до 1935 года, когда отец становится преподавателем Академии им. Фрунзе, освободившись наконец от хамских выпадов Апанасенко.

А вместе с ними, судя по многочисленным фотографиям, меняются и знаки различия на его петлицах. От двух ромбов (комдива) в начале 30-х годов до четырёх шпал (полковника) в 1936 году, затем у него по одному ромбу на петлицах (комбриг), в 1940 году он уже бригадный генерал Литовской народной армии (носит несколько месяцев литовскую форму), потом снова комбриг. И, наконец, с мая 1942 года – генерал-майор с двумя звёздами на каждой петлице. И с конца 40-х годов с одной звездой на золотистых с красной окантовкой погонах.

Прямо толстовский Долохов из «Войны и мира». Тот же партизан с постоянными разжалованиями на службе за различные дисциплинарные проступки по пьяни и генеральским званием в конце карьеры. С той лишь существенной разницей, что Сталин, которому как азиатскому хану принадлежало в стране всё, в том числе и души с потрохами всех подданных

его страны, в отличие от императора Александра Первого не обладал изысканным чувством юмора, и за малейшую провинность мог любого лишить жизни сразу или постепенно, превращая в лагерную пыль. А посему первый же промах в служебной деятельности или в личной дисциплине с негативными для дела последствиями мог быть последним в жизни любого ответственного за это дело. Ведь всё работало во имя идеального общества без ошибок и нарушений трудовой и служебной дисциплины с людьми социалистического сегодня ради коммунистического завтра.

С мая 1932 по январь 1935 года отец всё ещё на «генеральской» должности начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса Северо-Кавказского военного округа.

Вот сохранившаяся на клочке бумаги карандашная записка, отрицательно характеризующая отца, написанная рукой его непосредственного командира, в то время комкора Апанасенко И.Р. (личное дело Жемайтиса Ф.Р., ЦАМО, Подольск)

«Дорогой Николай Дмитриевич

Прошлый год вы видели работу НШ т.Жемайтиса и его заботу. Вот уже полтора года как мне приходится прямо мучиться с Жемайтисом. Парт. организация тоже помогает, но всё это в воздух.

Первое, что он невозможный лентяй, не работает над собой, а пьёт, каждый день женится, безвольный до невозможности, безинициативный, с массами не связан, да и не понимает её. Вобщем, человек бесполезный, что у меня в жизни ничего подобного не было.

Это мешок набитый соломой. Написал письмо об этом К.Е., доказывал С.М. (видимо, речь идёт о Ворошилове и Будённом. Авт.) и прошу помочь мне избавиться от него. Проверьте мою правоту в особом отделе. Помогите, я вас очень прошу.

Толубко уехал в академию и уже, надеюсь, не вернётся. Вместо его я прошу академика и разведчика. Мне тоже нужен академик.

Ваш Апанасенко

14.5.1934 г.»

При таком рабоче-крестьянском раскладе академики в то время в армии судя по всему были на вес золота.

В этой записке с субъективными выводами, сохранённым стилем изложения и грамматикой известного полководца гражданской и Великой Отечественной войн виден, как на ладони, дух эпохи середины 30-х годов прошлого века. Такие эпитеты, как: «бесполезный человек» (а ты найди «полезного человека» в советское время, когда «любой талант нарушает равенство», однообразие во всём ценится выше, чем дискуссионное разнообразие мнений, посредственность правит бал, а отбор на должности

ведётся по классовому признаку с упором на пролетарское происхождение, и в результате - при поголовной бедности всем всё до лампочки); «пьёт, каждый день женится» (да, но пьёт-то он во внеслужебное время и «за Родину», а это не возбраняется, коль в магазинах продаётся спиртное); «с массаами не связан и не понимает её» (как не связан, если он «каждый день женится?»);

«мешок, набитый соломой» (тогда все от рядового до маршала являлись огородными пугалами, изображающими высокую боевую готовность, иначе б не допустили немцев до Москвы в 1941 году), и т.д. могли стоять в то время очень дорого любому подчинённому Апанасенко, который, как известно, был на хорошем счету у Ворошилова, Будённого и даже у самого Сталина. Удивляет тот факт, что целых «полтора года» Апанасенко «мучается с Жемайтисом, что легко можно проверить в особом отделе» (уж не по доносам ли самого Иосифа Родионовича?). Но, раз никаких последствий для отца не было, особисты, видимо, посчитали, что если Жемайтис «пьёт и каждый день женится» - значит он свой в доску и не может быть врагом народа.

Николай Дмитриевич, к которому обращается Апанасенко, - это очевидно Командующий Северо-Кавказским военным округом, территориально в который входил 4 кавалерийский корпус, командарм Каширин. Печальна его судьба - арестованный 17 августа 1937 года по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре в РККА он 14 июня 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорён к смертной казни и немедленно после вынесения приговора расстрелян. Реабилитирован 1 сентября 1956 г.

В 1937 и 1938 годах были расстреляны и два его брата, активные участники гражданской войны и занимавшие высокие посты в РККА.

А вот кто такой Толубко, уехавший в академию с надеждой комкора, что он «уже не вернётся», выяснить не удалось. Известный военачальник Великой Отечественной войны, главный маршал артиллерии Толубко В.Ф., 1914 года рождения, вроде бы не подходит для персонажа этой записки. Возможно, речь идёт о его родственнике или однофамильце.

На обороте записки печатными буквами написано:

«Между 5 – 15 мая 1934 г начальник 6-го отдела штаба СКВО тов. Клипко был в Москве. Лично говорил по телефону с т. Будённым, который указал, что тов. Жемайтис оставляется в занимаемой должности. О недочётах в работе тов. Будённый написал тов. Жемайтису. Дальнейшее будет зависеть от результатов его последней работы.

Начальник 1-го сектора 6 отдела штаба СКВО Молчанов»

Спасибо Семёну Михайловичу, что заступился за отца. По семейным преданиям будущий маршал хорошо относился к Жемайтису и прощал его упущения в службе и пьянки, ибо от природы был рассудительным и

понимал, что безгрешных людей не бывает («кто из вас без греха, первым бросьте в неё камень»). Видимо, к тому же знал, что и у Апанасенко рыльце в пушку, ибо все его бывшие и нынешние подопечные одним миром мазаны. Не Семёну ли Михайловичу знать, как его лихие кавалеристы «успешно» боролись не только с белыми и зелёными в гражданскую войну, но и с «зелёным змием». Да так, что в 1920 году военного коменданта Ростова знаменитого героя гражданской войны Пархоменко арестовали за «пьянство и моральное разложение». Вскоре после освобождения этот начдив по пьянке попал в плен к махновцам и был ими убит.

«... Армия Будённого разлагается с каждым днём. Установлены грабежи, пьянство, пребывание в штабе подозрительных женщин, по слухам были случаи убийства наиболее сознательных товарищей...». Комфронта Василий Шорин прямо заявил однажды, что «Первая конная армия утопила славу в винных подвалах Ростова».

Такое отношение к спиртному командиров и начальников всех мастей в Красной Армии было обычным явлением, перекочевавшим и в мирное время. Этой русской болезнью в той или иной степени страдали не только будённовцы, но и весь комсостав непобедимой и легендарной: герой гражданской войны Дыбенко П.Е., такой же герой командарм Авксентьевский К.А., командующий войсками Западного фронта в годы ВОВ генерал армии Павлов Д.Г., Командующий авиацией Московского военного округа генерал-лейтенант Василий Сталин, тот же Апанасенко, младший брат Ленина Дмитрий Ульянов и многие другие. Сам Сталин, отец которого Виссарион Джугашвили был запойным пьяницей, со всем своим ближним окружением любили застолья с обсуждением насущных проблем, длившихся часто до утра. Прощал, если кто-то по пьяни не смог прийти к нему на его вызов, - а вождь работал так, что мог приказать доставить к нему любого чиновника или военачальника к себе в любое время дня и ночи для уточнения какого-нибудь вопроса или постановки задач на ближайшее время, - что имело место быть с главным маршалом авиации Жигаревым, генералом армии Поповым и другими. Сталин всегда наказывал не за само пьянство, а за его негативные последствия, особенно в годы Великой Отечественной войны.

О самом вожде и его склонности к употреблению Министр иностранных дел Молотов, проработавший непосредственно со Сталиным 30 лет говорил: «Сталин много не пил, а других втягивал в это дело здорово. Видимо, считал нужным проверить людей, чтобы немного свободней говорили. А сам он любил выпивать, но умеренно. Редко напивался, но бывало...». По воспоминаниям охраны известны два ярких случая, когда вождь напился до состояния невесомости на дне рождения у С.М. Штеменко и на поминках А.А. Жданова.

Сталинские традиции служебных попоек (сегодня их называют корпоративами) продолжились и после смерти вождя, и я помню, с каким пренебрежением в 60-х – 80-х годах офицеры относились к

немногочисленным непьющим коллегам в гарнизонах. Их и было всего раз два и обчёлся. «Не пьёт – значит не уважает армейский коллектив». Поневоле запьёшь, чтобы не превратиться в белую ворону с возможным замедлением карьерного роста. А если ещё на какой-нибудь совместной с командованием пьянке по случаю какой-либо годовщины или дня родного рода войск споёшь что-нибудь или станцуешь чечётку в состоянии хмельной эйфории, качаясь из стороны в сторону, под громкий смех собравшихся – всё, продвижение по службе тебе точно обеспечено.

Но перейдём к основной фабуле повествования.

Тем не менее жалобы Апанасено возымели действие, свидетельством чему служит выписка из протокола от 16.08.1934 г.:

«... 10. Жемайтис Ф.Р., член ВКП/б с 1918 г. Занимаемая должность – НАШТАКОР 4-го Кавалер. Корпуса. Установлено, что Жемайтис, являясь ответственным руководителем штаба корпуса, знал и сам участвовал в незаконном расходовании и разбазаривании шефских средств на банкеты и выпивки, и незаконные премии. Кроме того, т. Жемайтис допустил самоснабжение в штабе корпуса и сам лично в ряде случаев получал незаконно и отправлял продукты разным лицам.

Как коммунист, благодаря претуплению бдительности, не боролся с этими безобразными случаями в штабе корпуса.

Постановил

За допущенное безобразное расходование шефских средств на выпивки и не по назначению, отсутствие борьбы в штабе с самоснабжением, а наоборот, допущение лично случаев самоснабжения объявить «выговор».

Ответственный секретарь СПК СКВО Таурин».

Слава Богу, что не перевели в разряд врага народа.

Сразу возникает вопрос: как все эти «незаконные расходования шефских средств», «самоснабжение», «незаконные премии», «организация банкетов и выпивок в корпусе» происходили без ведома командира корпуса?

Почему за полтора года работы Апанасенко как командир корпуса не пресёк на корню «преступную деятельность» начальника штаба корпуса? Не значит ли это, что Апанасенко был в доле с Жемайтисом и сам участвовал в этом самоснабжении?

В этой связи можно предположить, что записка на имя Николая Дмитриевича была написана сразу после вскрытия всех этих фактов. Чтобы снять с себя ответственность за весь бардак в хозяйстве, свалив всё на плечи отца, вина которого заключалась лишь в том, что он безропотно выполнял приказы Апанасенко. В том числе и в отношении денежных средств.

Да, шефские средства это уже не халявные неподотчётные остмарки на разжигание пожара мировой революции в Европе. И не докажешь, что все они-де израсходованы на повышение боевой готовности и агитационно-пропагандистскую работу, которую «нельзя взвесить, попробовать на вкус, измерить линейкой, пощупать». И, вообще, все эти бойцы Красной Армии, чем меньше получают за свой ратный труд, тем становятся злее. Чтобы в нужное время и в нужном месте всю эту голодную, педикулёзную, озлобленную людскую вооружённую массу со знанием азов международного языка «Эсперанто» вперемешку с площадной матерщиной и лютой ненавистью ко всему иностранному обрушить на головы империалистов всех мастей по всему миру во имя всеобщей победы коммунизма.

Сам же Апанасенко в гражданскую войну, командуя 6-й кавалерийской дивизией, когда дивизия после поражения всей кампании на Польском фронте возвращалась назад через Украину к месту своей дислокации, допустил серьёзные для командира недостатки в деле командования и воспитания своих подчинённых, отразившихся на политико-моральном состоянии дивизии. А именно - ряд антисемитских погромов, устроенных его бойцами, в результате которых был убит комиссар дивизии Г.Г. Шепелев, пытавшийся образумить мародёров. Усилиями Ворошилова и Будённого порядок был наведён, зачинщики расстреляны, но Апанасенко был снят с должности.

Известен Иосиф Родионович ещё и тем, что когда в октябре 1941 года немцы стояли у ворот Москвы он на совещании у Сталина в ответ на передачу под Москву всех противотанковых пушек Дальневосточного округа обматерил Сталина. Генерал Борков описывает это так:

*«Уже в конце разговора Сталин поинтересовался, сколько в распоряжении Дальневосточного фронта имеется противотанковых пушек. Апанасенко ответил (пушек, кстати, было немного). И Иосиф Виссарионович приказал отправить пушки для обороны Москвы. И тут вдруг стакан с чаем, стоящий напротив Апанасенко, полетел по длинному столу влево, стул под генералом как бы отпрыгнул назад. Апанасенко отскочил от стола и закричал: **“Ты что? Ты что делаешь?!! МАТЬ ТВОЮ ТАК-ПЕРЕТАК!.. А если японец нападет, чем буду защищать Дальний Восток? Этими лампасами?!”** — и ударил себя руками по бокам. – **Снимай с должности, расстреливай, орудий не отдам!”**. Я обомлел. Пронзила мысль – это конец, сейчас позовет людей Берии, и погибнем оба».*

Но, к удивлению Боркова, товарищ Сталин людей Берии не позвал, и вообще постарался спустить всё «на тормозах», сказав: *«Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко! Стоит ли так волноваться из-за этих пушек? Оставь их себе».*

Вот как сказал об Апанасенко П. Григоренко, служивший в Оперативном управлении штаба Дальневосточного округа: «Даже внешностью своей он

был нам неприятен, не говоря уже о том, что о нём шла слава самодура и человека малообразованного, неумного. Могучая, но какая-то неотёсанная фигура, когда ругается, выражений не выбирает, как правило, делает это в оскорбительном тоне и с употреблением бранных слов».

А его гибель уже в звании генерала армии в должности заместителя Командующего Воронежским фронтом (Сталин назначил Апанасенко на эту должность временно с перспективой продвинуть выше – видимо, понравилась вождю его смелость и крутость) в разгар Курской битвы 5 августа 1943 года сделала его героем и великомучеником. Единственно сброшенный авиационный снаряд с пролетавшего немецкого самолёта и разорвавшийся вдали задел его одним своим осколком. При нём нашли записку, в которой он клялся в верности коммунистической партии. Так неожиданно погиб украинский самородок, выдвинувшийся из самых бедных крестьянских низов, внёсший большой вклад в укрепление дальневосточных границ страны. И, возможно, по праву добившийся высокого полного генеральского звания как смелый военачальник, не боявшийся ответственности за принятые решения, хозяйственник и строитель, построивший в сжатые сроки под своим контролем очень важной для переброски войск длиной в 1000 км стратегической дороги на Дальнем Востоке. Но никак не показавший себя в годы гражданской и Великой Отечественной войн, чтобы судить о нём как о выдающемся полководце и стратеге, не дожившего до скорого уже дня, когда можно было проявить себя в новых условиях победного шествия Красной Армии до самого Берлина со штатом поднаоторевших в войне с немцами фронтовых оперативников? Пусть земля ему будет пухом!

А вот карточка взысканий и поощрений Жемайтиса.

«За бездействие и отсутствие руководства и контроля над работой 3-го отделения ШТАКОРа и допуска перерасходования шефских сумм – «выговор» от Наркома обороны СССР Ворошилова.

17.7.1934 г»

«Приказ НКО №012

За вполне удовлетворительное техническое состояние всех видов оружия и его сбережение – «благодарность». Ворошилов» Даты нет. Одна и та же рука карает и тут же одаривает благодарностью.

Я долго размышлял, стоит ли приводить здесь эти документы, негативно характеризующие моего любимого батю. Не послужат ли они во вред всем его ипостасям личности, как на этом свете в его прошлой жизни, так и на том в настоящей? Ведь я как самый младший из всех его детей был у него самым любимым и избалованным чадом, на которое он возлагал определённые

надежды и хотя бы в статьях и воспоминаниях не должен был бы писать о нём ничего плохого. А потом неожиданно на ум пришли слова, сказанные Карлом Марксом: «Человечество со смехом должно расставаться со своим прошлым». Тем более в нашей бесшабашной России, в которой такими писульками уже никого не удивишь – масштабы воровства выросли до несопоставимых размеров. Да, и сам отец, обладавший чувством юмора, вряд ли осудил бы меня за эту незначительную выворотку о нём, достойной скорее рубрики «Нарочно не придумаешь» в каком-нибудь юмористическом журнале, чем в досье военачальника, написанной рукой другого военачальника более высокого ранга. Все эти исписанные пожелтевшие от времени бумажки не могут уже вызывать ничего, кроме улыбки. Тем более, когда все приведённые выше факты безграмотно написаны, неконкретны по сути, противоречивы по содержанию и больше дают представление о самом авторе, чем о характеризуемом.

А сегодня, когда с экранов ТВ, со страниц газет и журналов нам постоянно сообщают о хищениях миллиардов бюджетных рублей российскими генералами и даже полковниками, то все приведённые выше факты в личном деле отца выглядят мелочью, за которую, впрочем, при определённых условиях в то время можно было поплатиться свободой или даже жизнью при самой «скорострельной» в стране юстиции. Припишут тебе в особом отделе «подрыв боевой готовности» по факту растраты шефских копеек – и поминай, как звали. Поэтому у многих наших современников возникла ностальгия по сталинским временам, когда стали вскрываться дела репрессированных с 20-х по 50-е годы и реабилитированных после 50-х годов. Несмотря даже на то, что многие из них вполне на законных основаниях пострадали в годы сталинского правления, ибо много воровали по меркам того времени, расстреливали невиновных, строчили доносы, организовывали заговоры, разглашали секреты и, вообще, вели себя похамски.

Маршал Жуков Г.К. в своей книге «Воспоминания и размышления» в разделе «В инспекции кавалерии» вот как описывает своё прибытие на новую должность в Москву в феврале 1931 года.

«... Я представился И.Д. Косонову, а затем познакомился с помощниками Инспектора кавалерии Б.К. Верховским, Ф.Р. Жемайтисом, П.П. Собенниковым, И.В. Тюленевым, А.Я. Трейманом. Это были хорошо знающие своё дело командиры...»

В Инспекции кавалерии Жуков с отцом служили с февраля 1931 по март 1933 года. За это время можно было узнать кто и что из себя представляет.

В январе 1935 года комбрига Балтушис-Жемайтиса, видимо, по его личной просьбе (когда очевидно надоело до чёртиков ежедневно сталкиваться со штабной глупостью и хамством) переводят на должность преподавателя кафедры истории военного искусства Военной академии им. Фрунзе. С 1937 года он там уже преподаватель истории Империалистической войны. Пишет статьи, в 1940 году защищает диссертацию. Цитирую 54-ю

страницу книги «Академия Генерального штаба» (Москва, Военное издательство, 1987 г).

«... За разработку трудов по тактике высших соединений Совет академии присудил учёные степени кандидатов военных наук комбригам Ф.Р. Балтушис-Жемайтису и П.П. Вечному, генералам П.А. Ротмистрову и Г.П. Сафронову, полковнику Л.А. Перну...»

О чём же писал отец в своих довоенных статьях и брошюрах?

Брошюра «КАК ОХРАНЯЕТСЯ КОННИЦА НА ВОЙНЕ (1928 г)

Война считается начатой, когда объявлена мобилизация и войска двигаются к границам враждебного государства. Каждая воюющая армия в первую очередь стремится, как можно скорее закончить мобилизацию, и двинуть к границе достаточное количество войск. Это делается для того, чтобы не дать противнику вторгнуться на чужую территорию, не дать ему помешать нашей мобилизации и в то же время для того, чтобы помешать мобилизации и развёртыванию противника и т.д.

Быстро подойти к границам противника и проникнуть на его территорию может только конница. Конница в первые же дни войны может подойти к границам противника, вторгнуться на его территорию, разрушая его железные дороги, мосты, склады и тем самым мешая сосредоточению и развёртыванию войск противника...»

Эта брошюра чем-то смахивает на инструкцию, как правильно и грамотно нападать на соседей.

Другая его брошюра, уже 1940 года, «КОННИЦА.

... Враги Советской России на своей шкуре испытали мощь красной конницы. Ещё более грозную силу представляет собой она теперь... Конница во многих армиях почти что сошла на нет. Опыт мировой, позиционной войны и особенно послевоенное развитие авиации, танков и насыщение современных боевых фронтов артиллерийским и пулемётным огнём, - всё это вместе взятое, привело генеральные штабы многих капиталистических стран к убеждению, что конница в будущей войне не найдёт своего места.

Мы стоим на иной точке зрения... мы убеждены, что наша доблестная конница ещё не раз заставит о себе говорить. Как о мощной и победоносной Красной кавалерии... Наши границы необъятны и врагов у Советского государства не мало. Красной коннице, её доблестным бойцам и командирам поэтому будет где приложить свои усилия и делом доказать, что Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооружённой силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах».

Отец в своей последней брошюре цитирует слова Наркома обороны Клима Ворошилова, и все свои довоенные труды писал исходя из общей концепции того времени о месте конницы в современной войне. Здесь он ничего нового не изобретал.

Первые месяцы Великой Отечественной войны показали правоту и советской концепции и немецкой, которые сделали ставку не на конницу, а на ударные танковые группы с поддерживающей их пехотой. Благодаря чему немцам удалось через три месяца боёв оказаться на ближних подступах к Москве. И всё же, перенимая опыт своего противника, т.е. Красной Армии, в условиях осеннего бездорожья, нехватки горючего для авто и бронетехники, разрушения мостов и линий связи немцы вынуждены были в спешном порядке создавать кавалерийские части – благо лошадей в количестве 11 миллионов, используемых для подвоза военного имущества и продовольствия, в вермахте хватало, чтобы, как и в Красной Армии, часть из них предназначалась для быстрого развития прорыва обороны, преследования отходящего противника и действий в его тылу.

При непосредственном же соприкосновении с противником наши кавалеристы уже оголтело не бросались с шашками наголо в атаку, а, спешившись, действовали как пехотинцы. И все мы отлично знаем из учебников о блестящих в первые месяцы войны действиях конников Доватора, Плиева, Белова, Кириченко и других кавалерийских командиров. Так что не всё здесь просто. В условиях больших расстояний, бездорожья, неопределённости линии фронта конница показала себя с лучшей стороны и, воодушевившись успехами кавалерийских соединений, Сталин в первые месяцы войны подумывал даже о создании Конной армии. Но последующее замедление темпов наступления немцев на московском и других направлениях заставило его отказаться от этой затеи.

В 1940 году отец в Академии им. Фрунзе готовит уже докторскую диссертацию по теме: «РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914 – 17 гг.». Работа уже была сдана в набор, но защита не состоялась – началась Великая Отечественная война.

В то же время отец находится под пристальным, неусыпным оком доблестных чекистов. Которые вдруг ни с того, ни с сего приписывают ему руководство «контрреволюционной организацией ПОВ» (Польская организация войскова. Авт.) в Академии.

Родные рассказывали, как несколько раз собирали отца на Лубянку, где дотошные следователи на основании показаний арестованных товарищей отца по оружию и научной работе шили ему дело. Но отец всегда возвращался домой, хотя и совершенно не будучи уверенным, что завтра или послезавтра его не арестуют и не расстреляют или в лучшем случае не приговорят к длительному сроку заключения. Отца спас тогда знаменитый Пакт «Молотова – Риббентропа», по которому Литва вошла в сферу интересов Советского Союза, а, значит, срочно понадобились кадры, имевшие определённый авторитет в Литве и знавшие литовский язык. Он как

раз подходил под все эти параметры и в мае 1940 года становится Командующим Литовской народной армией с присвоением звания бригадного генерала.

В литовских архивах хранятся приказы отца по армии, его служебная переписка, и я здесь приведу один документ, наглядно свидетельствующий, как легко в то время из разряда подозреваемого в контрреволюционной деятельности против СССР сделаться за короткое время доверенным лицом самого шефа НКВД Лаврентия Павловича Берии и Наркома Тимошенко.

«Наркому Тимошенко.

22 июля в 9-м полку литовской армии (Новые Свенцяны) митинг, посвящённый решениям сейма об установлении в Литве советской власти и присоединении Литвы к СССР, был сорван.

По получении сведений о срыве митинга в полк выехали военный министр Виткаускас, командующий армией Жемайтис и наш работник тов. Быков. Наиболее активные зачинщики – 8 офицеров и 24 солдата арестованы и доставлены в Каунас. Назначены новый командир полка и несколько новых офицеров, заменён политрук. В полку был организован митинг, на котором с речью выступил военный министр Виткаускас. Полк единогласно принял резолюцию с одобрением решений сейма о присоединении Литвы к СССР.

Берия»

(ЦГАСА, ф.33987, оп.3, д.1366, лл.19 – 20)

Попробуй не прими – сразу же все скопом окажетесь там, «куда Макар телят не гонял».

Нет, не зря все литовские товарищи вместе с отцом боролись за советскую власть в Литве. Терпели лишения, издевательства следователей, которым приходилось давать показания, выплёвывая в кулак выбитые при допросе зубы и харкаясь кровью, гибнуть штабелями на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн. И при этом вместе с литовскими поэтами, композиторами и писателями петь дифирамбы в адрес всего советского руководства во главе с великим светочем коммунизма – товарищем Сталиным.

Непонятно только, почему в современной Литве все они отнесены к категории «пособников оккупантов», то бишь советского руководства. Какие ж оккупанты станут увеличивать территорию завоёванной страны за счёт захвата этими оккупантами других территорий. Можно понять латышей, эстонцев, финнов, молдаван, армян и других нацменов из числа братских народов СССР, выражающих своё недовольство насильственными присоединениями части их территорий к другим республикам СССР. Литва же за годы Советской власти на 30% увеличила свои географические размеры

за счёт присоединения с помощью Красной Армии земель Восточной Пруссии, Западной Белоруссии и Польши. Большею советская власть при всём своём желании, как и самая раскрасивая женщина в постели, дать не могла, как и границы Литвы средних веков «от моря до моря». Это было бы уже слишком.

То же самое можно сказать и про Украину, которая после её вхождения в состав России в 1654 году раза в два увеличила свою площадь, а за годы Советской власти ещё где-то на одну треть за счёт южных и юго-восточных областей Новороссии и Малороссии.

Послевоенный руководитель страны Хрущёв Н.С. в 50-х годах на одном из банкетов по простоте душевной вознамерился было отдать литовцам и Калининградскую область в знак нерушимой дружбы между русскими и литовцами, осуществив до этого на практике извечный принцип любого диктора «разделяй и властвуй». Подарив в 1954 году в честь 300-летия воссоединения Украины и России украинцам российский Крым, чеченцам же Надтеречный район Ставрополя в знак признания вины за поголовную насильственную депортацию чеченцев и ингушей из их родных мест в середине 40-х годов в Казахстан и Сибирь. А туркменам казахский полуостров Мангышлак, который входил также попеременно в Астраханскую и Оренбургскую области, неизвестно за что. Правда, после смещения Хрущёва этот полуостров стал опять казахским. Чего нельзя сказать о Крыме, Надтеречном районе и территориях Семиреченского и части Уральского казачества с почти стопроцентным русским населением, оказавшимся после гражданской войны в России 1918 – 20 гг на территории Казахстана и Киргизии за поддержку казаками восстания под руководством атамана Дутова и его сподвижниками против большевиков в 1918 – 20 гг. Если подсчитать площадь всех исконно русских земель с преимущественно русским населением, подаренных по пьяни за годы советской власти друзьям и собутыльникам советских вождей, то получится Австралия с южными плодородными и богатыми полезными ископаемыми землями.

Представьте себе жителей, допустим, Бельгии, Люксембурга или даже Норвегии, которые, проснувшись утром, узнают, что они теперь подданные Германии или Франции в Евросоюзе и должны подчиняться новым законам. Только в России такая абракадабра была возможной с молчаливого согласия русских, которым, как известно, до лампочки, кто там над ними главный, раздающая их территории, еврей Ленин или грузин Сталин, украинец Брежнев или чукча Черненко.

На том банкете или после него в то время Первый секретарь ЦК КПЛ А.Ю. Снечук под каким-то благовидным предлогом отказался от такого щедрого подарка в виде Калининградской области, наверное, из соображений сохранения литовцев как этноса, литовской культуры и языка. Что было бы гораздо труднее осуществить в условиях объединения литовцев с русским населением Калининградской области, с её мощнейшими военными группировками армии и флота и лимитчиками со

всего Советского Союза валивших валом в Прибалтику после присоединения её в 1940 году к СССР. Косвенным подтверждением такому утверждению служит тот факт, что при Снечкусе как главы республики в результате его отказа от создания промышленных заводских гигантов с допотопным ручным трудом удалось избежать наплыва в Литву русскоязычного населения из СССР. В отличие от Латвии и Эстонии, где их доля после обретения независимости составила 30 – 40 процентов. В то время, как в Литве всего 7 процентов.

Очевидно, что Литве, как и всем странам Прибалтики тем самым удалось избежать и военных конфликтов в начале 90-х годов по примеру Приднестровья, Грузии, Армении и Азербайджана.

Я думаю, об Антанасе Юозовиче Снечкусе со временем в Литве будут говорить, как в России об Иване Калите, - «собирателе земель русских», то бишь литовских. В противовес Ленину, Сталину и Хрущёву – дарителям всем подряд русских территорий. Правда, справедливости ради надо признать, что именно в правление Хрущёва Карельская ССР стала автономной республикой в составе РСФСР. Иначе б она в настоящее время могла быть отдельным государством или входить в состав Финляндии. То же самое можно сказать и про Иосифа Виссарионовича Сталина, который в 30-х годах прошлого столетия вернул до этого союзную, по решению Ленина, республику Туву в состав России. Иначе б сегодня она, наверное, находилась под монгольским покровительством. Плоды такой национальной политики, когда без какого-либо опроса населения исконно российские земли включали в состав других республик, как, например, Южную Осетию и Абхазию в состав Грузии, а из большого куска дальневосточных земель создали Еврейскую автономную область до сих пор дают о себе знать.

Вот что пишет в своей книге «В двух мирах» в прошлом Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, а в 40-ом году Председатель Президиума Верховного Совета Литвы Юстас Палецкис по вопросу присоединения только что отторгнутых от Польши её территорий к Литве. Наглядный пример тому, как в то время делили «шкуру убитого медведя» кто угодно, только не сами охотники.

«В это время (ноябрь 1940 г. Авт.) ЦК КП/б Литвы и Президиум Верховного Совета Литовской ССР поручили мне проведение переговоров об установлении границы между Советской Литвой и Советской Белоруссией. Принципы новой границы определил закон, принятый седьмой сессией Верховного Совета СССР. Задача заключалась в установлении этой границы в натуре, нанесении её на карту.

На встречу с белорусскими товарищами я выехал вместе с секретарём нашего Президиума С. Пупейкисом и народным комиссаром внутренних дел А. Гузавичюсом. Остановились по дороге в село Ратнича, уже на тогдашней территории БССР. Заходили в крестьянские хаты и убедились, что здесь исключительно литовское население. Завернули также в Друскининкай, который тогда находился в пределах Белоруссии.

В Гродно мы встретились с председателем Президиума Верховного Совета Белорусской ССР Н.Я. Наталевичем и секретарём Президиума Л. Попковым. Здесь мы начали совещание о границе на основании материалов, подготовленных белорусскими товарищами. Материалы касались количества литовского и белорусского населения в пограничных местностях. Хотя по принятому Верховным Советом СССР закону было установлено, что весь Швенчёнский (Свенцянский) район должен перейти к Литве, мы согласились с предложением белорусских товарищей, чтобы часть района с большинством белорусского населения осталась в Белоруссии. Это предложение исходило из того, что к Литве отойдут территории с преобладающим литовским населением в районах, не упомянутых в законе. Конечно, невозможно было полностью и повсеместно соблюсти национальный принцип. Например, чисто литовское село Гервечай осталось в Белоруссии, ибо оно находилось примерно в 30 километрах от границы и «коридор» к нему провести никак не получалось. И то после включения литовского села Девянишкес получился «коридорчик»: этот уголок и в натуре и на карте выглядит вроде аппендикса. В итоге этих совещаний после соответствующего представления Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о новой границе между Советской Литвой и Советской Белоруссией. На основании его к Литве отошло около 2 тысяч квадратных километров территории с районными центрами Швенчёнис (Свенцяны) и Шальчининкай, а также курорт Друскининкай. Вспоминая о долгой тяжбе, борьбе и даже войне между буржуазной Литвой и панской Польшей из-за территориального вопроса, я отмечал в газете «Тарибу Летува», как легко и просто такие проблемы решаются между социалистическими советскими республиками. Установление границы между Советской Литвой и братской Белоруссией – прекрасный тому пример...»

Правду говорят, что советский социализм от германского фашизма, в основном, только тем отличался, что национал-социалисты стремились облагоденствовать только свой германский народ за счёт завоеваний и дальнейшей эксплуатации народов других стран. А советское руководство на протяжении всей своей истории делало всё возможное, чтобы другие народы жили счастливо за счёт наивности, доверчивости и щедрости русского народа.

Такое впечатление, что все советские вожди, находившиеся на вершине власти, являясь большей частью не русскими по национальности, прекрасно понимали, что вся советская система не жизнеспособна и долго не протянет в самой ближайшей перспективе по формуле «это навсегда, пока не кончится». А посему спешили раздарить всем своим землякам, собутыльникам и только что приобретённым друзьям всё то, что ещё совсем недавно являло собой великую Российскую Империю, созданную на протяжении тысячелетия по крупицам, большой кровью и самопожертвованием коренного русского населения. Не допустив к этому дележу территориального пирога представителей властных структур РСФСР, офицеры и солдаты которой,

русские по национальности, составляли подавляющее большинство победоносной армии, проливавшей свою кровь на фронтах многочисленных войн.

Не были оговорены условия владения республиками вновь приобретённых земель и имуществом на их территории в случае выхода этих республик из состава СССР.

Я думаю, здесь стоит более подробно остановиться на четырёх подарках Сталина Литве.

1. **ВИЛЬНО (ВИЛЬНЮС)**. На карте область окрашена красным цветом. Столицу у литовцев поляки отобрали в 1919 году

После того, как Польша в 1939 году в результате её раздела с началом **ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ** перестала существовать, **ВИЛЬНЮС** (древнее название **ВИЛЬНО** времён **РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**) вместе с областью, по решению Сталина, согласовавшего этот вопрос с Гитлером, перешёл к литовцам, перенёшим в неё столицу из Каунаса.

2. **МЕМЕЛЬ (КЛАЙПЕДА)**. На карте - зелёным цветом.

Этот город забрал уже Гитлер весной 1939 года. Германия рассматривала **МЕМЕЛЬ** как немецкий город, отторгнутый от неё по итогам Первой мировой войны. По итогам Великой Отечественной войны вернулся в состав Литвы как **КЛАЙПЕДА** вместе с областью.

3. **ДРУСКЕНИКИ (ДРУСКИНИКАЙ)**. На карте – синим цветом.

Данный город и окрестности были заселены русскими, белорусами и литовцами. Входили в состав Белорусской ССР, но Союзное руководство решило, видимо, отблагодарить «литовских товарищей» и передало им эти и некоторые другие земли БССР в 1940 году. Теперь понятно, почему Литва, а за ней Латвия и Эстония вошли в состав НАТО – была реальная угроза, что все эти бывшие белорусские земли наподобие Крыма Москва попытается вернуть их прежним владельцам «по итогам референдума» и под жёстким контролем «зелёных человечков».

4. **ЮГО-ЗАПАД ЛИТВЫ (СССР выкупил у Германии в 1940 – 1941 годах)**. На карте – жёлтым цветом.

Дело в том, что по пакту Молотова – Риббентропа Литва признавалась зоной смешанного влияния Германии и СССР. В отличие, например, от Латвии и Эстонии, где у Гитлера официально не было интересов.

В 1940 году Германия заявила, что в окрестностях городов **ВИЛКАВИШКИС** и **ЛАЗДИЯЙ** намерена заселять немецких поселенцев и ввести туда войска. Причём, по договору с СССР имела на это право. СССР упрямил её не делать этого и продать им эти земли. Германия согласилась за 7 500 000 долларов (по курсу 1940 года). СССР выплатил эти деньги ещё до начала войны, часть золотом, часть нефтью, зерном и редкоземельными металлами.

Такие вот подарки. Территориально это может показаться мелочью (по меркам России). Но все эти районы нашей стране много стоили.

За всё время существования Советского Союза к Российской Федерации по сути ничего не было присоединено, если не считать небольшого клочка земли в Восточной Пруссии и 4-х маленьких островов в Японском море (пол-Сахалина не в счёт, ибо до 1905 года он входил в состав России), которые до сих пор служат камнем преткновения в переговорах между Россией и Японией. Наоборот, большие территории были только отторгнуты от неё, о чём я уже упоминал выше. Что лишний раз подтверждает мой вывод о русофобском характере внутренней политики, проводимой всем руководством Советского Союза.

Русский мыслитель и друг великого русского поэта А.С. Пушкина, Пётр Яковлевич Чаадаев, назвал Царь-колокол в московском Кремле «иероглифом России». Огромный, массивный идол поклонения, с изображением тучной царицы Анны Иоанновны, весь в трещинах, готовый вот-вот развалиться под тяжестью своего веса и лишённый главной своей принадлежности, - языка, - он, как ничто другое подходил и до сих пор подходит под это сравнение.

Продолжу биографию отца.

В ноябре 1940 года Жемайтиса возвращают в Москву, но уже с назначением на новую должность – старшего преподавателя академии Генштаба, в

которой он продолжает прерванную командировкой в Литву научную деятельность.

Во время прощания со своими литовскими родственниками, как об этом пишет его племянник Регимантас Пилкаускас, на вопрос, что ждёт его в Москве?, - отец меланхолично ответил: «Возможно, что меня и не расстреляют». Ведь он всё ещё находился под подозрением по делу «Польской организации войсковой», руководство которой тогдашние чекисты пытались приписать давно покойному шефу ВЧК – ОГПУ Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, намереваясь выкинуть останки его с Красной площади через печь крематория в колодец Донского монастыря.

Несколько слов о покинутой отцом Литовской народной армии, преобразованной после его отъезда в 29-й территориальный корпус. Командиром корпуса стал генерал-лейтенант Виткаускас, занимавший при буржуазном правительстве пост Командующего Литовской народной армией и после присоединения Литвы к СССР Военного министра Литвы. К началу Великой отечественной войны почти всё руководство этого корпуса находилось в Москве на учёбе в академии Генштаба. В корпусе продолжались аресты уже «врагов литовского народа» и просто неблагонадёжных, которых арестовывали, расстреливали и ссылали в Сибирь. Поэтому, когда 22 июня 1941 года передовые части 3-й танковой группы Гота, переправившись через реку Неман южнее Каунаса, продвинулись за один день на 60 км, две дивизии 29-го корпуса, 184-я и 179-я оказались в окружении и не оказали организованного сопротивления. С боями вырвались из котла только моторизованные части, 619-й артполк, зенитный и противотанковый дивизионы. Много офицеров и солдат корпуса, перебив своих русских командиров и начальников, перешли на сторону противника.

Вот что говорил на следствии Командующий войсками Белорусского (Западного особого военного округа) генерал армии Д.Г. Павлов: «Как я уже показывал, основной причиной быстрого продвижения немецких войск на нашу территорию являлось явное превосходство авиации и танков противника. Кроме того, на левый берег Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильнюса...» (Газета «Труд» от 6 сентября 1994 года).

Корпус прекратил своё существование. И по Постановлению ГКО СССР от 18 декабря 1941 года на территории Горьковской области началось формирование 16-й Литовской стрелковой дивизии, костяк которой составили солдаты и офицеры бывшего 29-го территориального корпуса, вырвавшиеся с боями из окружения и отошедшие вместе с остатками других частей и соединений Красной Армии вглубь СССР.

Командиром формируемой дивизии был назначен комбриг Жемайтис, которому в мае 1942 года было присвоено звание генерал-майора.

К 10 августу 1942 года дивизия была переведена на штат военного времени и достигла численности в 10374 человек и по своему кадровому составу являлась многонациональной.

Где-то на одну треть она состояла из русских, на одну четверть из литовцев, на одну треть из евреев (по данным Героя Советского Союза Вульфа Виленского из его книги «Повороты судьбы», опубликованной в 1986 году в Иерусалиме) и оставшаяся часть приходилась на представителей других национальностей Советского Союза.

Я не буду подробно останавливаться на описании первого боя дивизии на Брянском фронте под Орлом. И так моё повествование слишком затянулось. Если кто заинтересуется описанием первых боёв этого соединения, то я рекомендую обратиться к журналу «Военно-исторический архив» №6 за 2005 год, в котором я опубликовал статью на эту тему. Напомню только, что когда дивизия после изнурительного 400-километрового перехода из Горьковской области в условиях сильного мороза, бездорожья из-за глубокого снега, нехватки продовольствия, горючего и фуража. С отставшими тылами и артиллерией прибыла на Брянский фронт в распоряжение Командующего 48-й армии генерал-лейтенанта Романенко, то тут же, несмотря на возражения Жемайтиса была брошена в бой на прорыв хорошо укреплённых позиций немцев в 40 км от Орла, в районе ж/д станции «Змиёвка». В течение месяца, в феврале - марте 1943 года, дивизия вела кровопролитные бои. Её при полном господстве «люфтваффе» в воздухе бросали на вражеские позиции, как поленья в костёр по мере подхода с марша подразделений и тылов. Потеряв 50% личного состава убитыми, ранеными, обмороженными и больными, не выполнив ни одной из поставленных командованием армии и фронта задач, она, почти полностью разгромленной, была отведена во второй эшелон армии. Почему случилась такая катастрофа, о которой все ветераны 16-й Литовской стрелковой дивизии вспоминали как о самом тяжёлом и кровопролитном бое за всю войну, отчасти сказано в книге генерала армии Штеменко «Генеральный штаб в годы войны». На стр. 107 этой книги говорится.

«Сталин лично контролировал подготовку операции. И когда Командующий Брянским фронтом заикнулся было относительно отсрочки боевых действий на один день, Верховный резко отчитал его». Командовал Брянским фронтом генерал-полковник Рейтер. Обращаясь к Сталину, свою просьбу он мотивировал тем, что «пехота несёт большие потери и необходимо подтянуть артиллерию».

Вскоре после этого неудачного боя Брянский фронт был переименован в Центральный и Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант Рокоссовский. Вот что пишет этот знаменитый полководец в своей книге «Солдатский долг» на стр. 200.

«Нет, всё-таки наступать нам сейчас не время. Только напрасно ослабляем силы». Свои выводы он доложил в Ставку Верховного Главнокомандования. Цитирую дальше: «Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом».

Многие генералы свой боевой путь на фронте начинали с поражения своих соединений. Кому-то из них давался шанс исправиться, показать своё умение воевать, и они доказывали своё соответствие должности, выдвигались на вышестоящую. У отца такого шанса не было. За этот неудачный бой его отстранили от командования дивизией и направили в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны. Немногие военачальники-кавалеристы из ближнего окружения Будённого, как и сам Семён Михайлович, в достаточной степени проявили себя на полях сражений, - на смену кавалерии шло уже для них кардинально другое, бронированное, хорошо вооружённое, манёвренное и мало изученное. Отец же просто оказался не в то время и не в том месте. Его изначально лишили возможности проявить себя, поставив кучке прибывших с ним людей явно невыполнимую задачу с единственной целью - поставить командованию 48-й армии галочку под приказом Верховного о наступлении на хорошо укреплённые позиции немцев, чтобы затем свалить всю вину на отца.

Маршал Шапошников, возглавлявший в то время Академию Генштаба, принял Жемайтиса в штат преподавателей, и отец снова погрузился в свою родную стихию военно-научной работы. Лишь в 1944 году его относительный покой был нарушен неожиданным предложением возглавить Наркомат обороны Литвы, когда до освобождения этой республики было ещё довольно далеко. Чем было вызвано создание таких наркоматов в Прибалтике или только в одной Литве в то время, когда ни в одной из союзных республик их не было, неизвестно. Наверное, Сталин считал, что все прибалтийские республики, завоёванные военным вторжением, в дальнейшем после освобождения их от немецких оккупантов будут какое-то время нуждаться в особом статусе, с предоставлением более широкой автономии, чем в других союзных республиках. Но в дальнейшем, видимо, вождь изменил своё решение, и отказался от каких бы то ни было послаблений в управлении для всех без исключения республик, делая ставку на повсеместную жёсткую вертикаль власти. Отец остался в Москве на своём месте, хотя и изъявил желание переехать в Литву в качестве Наркома обороны.

Вот это представление, хранящееся в РГАСПИ (ф.17, оп.100, д.256169, л.23)

«Секретарю ЦК ВКП/б тов.Маленкову Г.М.

Секретарь ЦК КП/б Литвы т.Снечук выдвигает на пост Народного Комиссара Обороны Литовской ССР генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р.

Тов. Балтушис-Жемайтис, 1897 года рождения, литовец, уроженец дер. Апидимы Ковенской губернии, Литва, член ВКП/б с 1918 года. В Красной Армии с 1918 года, в 1922 году окончил Военную академию им. Фрунзе. С мая 1943 года работает старшим преподавателем Высшей военной академии. (Академия Генштаба.Авт.).

Управление особых отделов НКВД СССР от 9.11.42 года сообщает, что Балтушис-Жемайтис проходит по показаниям участника антисоветского военного заговора Флисовского, которому со слов Циффера было известно о том, что Балтушис-Жемайтис в академии им.Фрунзе возглавлял организацию «ПОВ». Флисовский осуждён, от показаний отказался. По показаниям Циффер Балтушис-Жемайтис не проходит.

Брат Балтушис-Жемайтиса до 1927 года проживал в Америке. (?)

С 1942 г по 1943 г т.Балтушис-Жемайтис работал командиром 16 литовской стрелковой дивизии.

В боевой характеристике от 14.04.43 года командующий войсками армии генерал-лейтенант Романенко и член Военного Совета армии генерал-майор Истомин отмечают, что т. Балтушис-Жемайтис не сумел организовать обучение частей дивизии в соответствии с указаниями нового устава.

Дивизия в боях понесла большие потери из-за неправильного построения боевых порядков. Дисциплина в дивизии стоит на низком уровне, работа тылов организована плохо. Сам Балтушис-Жемайтис в руководстве проявил мягкотелость и слабую требовательность к подчинённым, не сумел обеспечить устранение ошибок в работе по руководству дивизией.

Военным Советом Центрального фронта т. Балтушис-Жемайтис от работы командира литовской стрелковой дивизии был освобождён как не обеспечивший этой работы.

Заместитель начальника политотдела высшей военной академии т. Пальцев, характеризуя т.Балтушис-Жемайтиса за время его работы в академии как опытного и хорошо подготовленного преподавателя, одновременно отмечает его замкнутость и безынициативность в деловом отношении и в партийной жизни.

Начальник Главного Управления кадров НКО генерал-полковник Голиков кандидатуру т.Балтушис-Жемайтиса на пост Народного Комиссара Оборны Литовской ССР поддерживает.

Тов. Балтушис-Жемайтис в Управление кадров ЦК ВКП/б вызывался.

В результате изучения имеющихся на т. Балтушис-Жемайтиса документов и личного ознакомления с ним считаем, что кандидатура т.Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. на пост Народного Комиссара Оборны Литовской ССР подходит.

Тов. Голиков кандидатуру Балтушис-Жемайтиса будет докладывать товарищу Сталину.

Зав. Отделом Управления кадров ЦК ВКП/б Жуков

27 июня 1944 г.»

Теперь о послевоенной службе отца в Высшей военной академии им. Ворошилова, Академии Генштаба.

Просматривая документы из его личного дела, многочисленные аттестации, заключения его непосредственных начальников можно сделать вывод, что он был на хорошем счету у руководства Академии. Как у маршала Шапошникова, так и у генерала армии Курасова, неоднократно поощрявших отца благодарностями и денежными премиями.

Сразу же по прибытии с фронта Жемайтиса поставили на должность Начальника курсов по усовершенствованию высшего командного состава, на которой он прослужил 2 года. При этом маршал Шапошников отмечал: «Тов. Жемайтис соответствует должности начальника курса, но мягкотелость всё же у него есть» (уж таким он был от природы, добродушным, бесхитростным, и даже служба в армии и война не сделали его грубым и заносчивым, и не наградила барскими качествами, необходимыми для работы с подневольными людьми в погонах).

Парторг Академии генерал-майор Спильниченко здесь же пишет: «Лично высказывает желание отправиться на фронт, чтобы доказать свою способность в командовании».

А зам начальника Академии генерал-лейтенант Мордвинов завершает характеристику: «Преданный делу Ленина-Сталина, честный старый большевик, знающий и опытный командир и воспитатель. Своей честной и добросовестной работой по строительству Красной Армии заслуживает награждения за выслугу лет орденом Ленина».

Надо сказать, что наград-то у него за всю его службу было не густо: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени и 5 медалей. Сталин не очень жаловал своих генералов наградами и званиями. Как, впрочем, и себя, отказавшись получать вторую Звезду Героя и появлявшегося на всех торжествах только с одной золотой звездой, без орденов и медалей, в отличие от Хрущёва и Брежнева с их приближёнными, увешанных с головы до ног орденами и медалями.

В личном деле имеется и представление его на звание генерал-лейтенанта, «...учитывая его очень большой стаж работы на должности высшего состава (с 1920 г), а также работу в звании генерал-майора; в целях поощрения и обеспечения большей уверенности, авторитетности и инициативы в дальнейшей работе...». Подписанное начальником кафедры Академии генерал-лейтенантом Позняком и Начальником Академии генералом армии Курасовым.

Присвоение очередного звания не состоялось. Отец остался в звании генерал-майора. Сегодня диву даёшься, как сыплются награды и золотые погоны на всех, кто работает непосредственно с Министром обороны генералом армии Шойгу. Особенно ярко это видно на его женском батальоне заместителей и секретарей из 20 – 30-летних моделей в звании от генерал-майора до

генерала армии. На ум сразу приходит разная ерунда из жизни средневековых ханов с их дворцами, гаремами, евнухами, одалисками и наложницами, увешанными драгоценными побрякушками. Считаю, что за отцом закрепилось скромное звание генерал-майора несоразмерно с его такой насыщенной разными событиями биографией и должностями, которые он занимал в армии: яростные штыковые бои Первой мировой, звание подпоручика, царские награды, ранения, контузии, немецкий плен, побег из плена, успешное руководство восстанием в Шяуляе в начале 1919 года, в результате которого власть в городе перешла к восставшим с захватом стратегически важного узла шоссейных и железнодорожных дорог, после чего прекратился вывоз материальных ценностей из России. Восстание также помогло вошедшей в Прибалтику Красной Армии успешно вести боевые действия с немцами на начальном их этапе.

Доносы друзей, аресты, неудачное представление в 1928 году к высшему тогда ордену «Красного Знамени», командование Литовской народной армией, дивизией в годы ВОВ, плодотворная научная деятельность и положительные отзывы начальства о работе отца, о чём свидетельствуют характеристики в личном деле. Люди не за награды, а за совесть служили Отечеству. И ... отказ вышестоящего командования, несмотря на ходатайство Начальника ВВА генерала армии Курасова и начальника кафедры генерал-лейтенанта Позняка в присвоении отцу звания генерал-лейтенанта перед увольнением в запас на пенсию, на которой он из-за многочисленных ранений и болезней, полученных на 39-летней военной службе, проживёт всего три года.

И этот отказ несколько не отразился на работоспособности отца. Он продолжает писать статьи в журналы, выпускает, наверное, самым первым из военных историков брошюру «Операции в бассейне Тихого океана 1941-1945 гг», «Краткий оперативно-стратегический очерк». (Высшая ордена Суворова 1 степени Военная академия им. К.Е.Ворошилова, 1951 г.) Эта брошюра предназначалась только для слушателей Академии. Читает лекции в Политехническом музее про неизвестную тогда советским людям войну США с Японией в 1941 – 1945 годах,

Даже после ухода на пенсию в 1954 его привлекают к большой работе по подготовке материалов для 9-томника в 253 п.л. по теме «История военного искусства», за успешную работу над которым объявляют «благодарность» и награждают денежной премией в размере 1000 рублей. В то время это составляло месячный средний заработок квалифицированного рабочего.

Каждый человек несёт в себе груз прожитых лет. И теперь я понимаю, что этот груз у отца был особенным, ибо набирался он не только за ранения и контузии на фронтах, в том числе и тяжёлое в голову под Шяуляем в 1919 году. Но больше за переживания при надуманных обвинениях против него с не щадящим режимом работы на всех постах, которые он занимал при Сталине. Без нормированного рабочего дня и почти без выходных и

праздников. Что было характерно для армии в военное и послевоенное время. Сколько я помню отца, он всегда рано уходил на работу и возвращался где-то в 10 – 11 часов вечера очень усталым с больным сердцем, работавшим к тому же под тяжестью его чрезмерно излишнего веса, несмотря на то, что никаких излишеств в еде, по словам мамы, он не допускал.

Лифта в нашем доме не было, и отец с перерывами из-за тяжёлой одышки поднимался на 4-й этаж, где в квартире его уже ждала мама, чтобы помочь ему раздеться, напоить чаем и помочь подготовиться к завтрашнему рабочему дню.

О таком тяжёлом режиме работы очень хорошо, на мой взгляд, поведал Владимир Некрасов в книге «Тринадцать «железных наркомов», стр. 243. «... Другой факт. В том же июле 1945 года уполномоченный НКВД – НКГБ СССР по Литве Ткаченко пишет Берии записку о состоянии работы партийных и советских органов Литовской ССР, где сообщает о засорённости кадров советского и партийного аппарата антисоветскими элементами и о недостатках в работе партийно-советских организаций. Вот его оценки: «Партийные и советские руководители республики, на наш взгляд, работают мало. Секретарь ЦК КП/б Литвы т. Снечук иногда вечерами бывает на работе, остальные же – председатель Совнаркома т. Гедвилас, его заместители, а также работники аппаратов ЦК и Совнаркома, наркоматов вечерами, как правило, не работают.

Весной этот вопрос обсуждался на бюро ЦК КП/б Литвы, где больших трудов стоило доказать необходимость работать аппарату хотя бы восемь часов в сутки.

Председатель Президиума Верховного Совета т. Палецкис на этом заседании бюро со вздохом заявил: «То ли было в доброе старое время (при Сметоне) – отработал себе 6 часов и никому и ничем не обязан, и никто тебя не беспокоит». Палецкис о совершенно секретных и государственных делах делится с членами своей семьи, от которых эти сведения быстро проникают к враждебным лицам (идут примеры). В последнее время нами получены агентурные материалы о прямых антисоветских проявлениях со стороны Палецкиса...»

Как говорится, «что русскому хорошо, то немцу смерть».

Но что ни говори, зарплата у отца при Сталине была довольно приличной на фоне всеобщей уравниловки и низкого прожиточного минимума. По словам мамы, отец ежемесячно домой приносил 9 – 10 тысяч рублей, не считая всевозможных премий, что позволяло маме не работать, детям получить приличное образование, а домработнице помогать по хозяйству. В доме у нас всегда был достаток, а по праздникам много гостей.

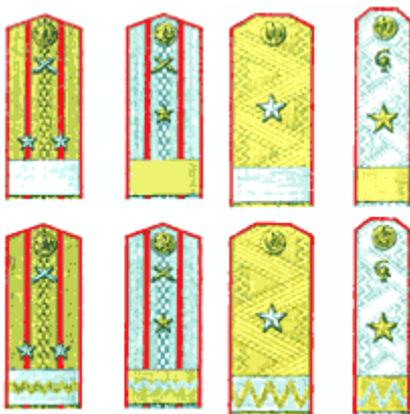
К своему увольнению из армии отец подошёл совершенно больным человеком, еле ходившим из-за острой ишемии сердца.

В его личном деле есть две любопытные, на мой взгляд, записи, сделанные кадровиками Академии при его увольнении в запас. Первая: «В военное время подлежит переводу на должность начальника штаба корпуса

кавалерии». (1954 год!) Вряд ли отец, которому в то время оставалось жить всего три года, мог бы справиться не только с такой должностью вместе с кавалерийским корпусом в новой термоядерной войне, но и вообще сесть на лошадь. Это лишь говорит о том, как в то время ценились армейские кадры, имевшие в целом победоносный опыт боевых действий.

И вторая запись: «Уволен из кадров Советской Армии в запас по статье 59«б» (по болезни) с правом ношения военной формы одежды с особыми отличительными знаками на погонах. (Приказ МО №02265 от 17.5.1954 г) Видимо, 39 лет календарной выслуги и возрасту 57 лет было в то время мало, чтобы генерал-майору уволиться из армии по выслуге лет или по возрасту. Но о каких отличительных знаках идёт здесь речь? Я никогда их на погонах отца не видел. И вот что удалось узнать.

«31 января 1947 года Приказом МВС СССР № 4 введены отличительные знаки на погоны генералов и офицеров, уволенных в запас или в отставку. Право ношения погонов с особыми отличительными знаками предоставлялось генералам и офицерам, выслужившим в Вооруженных Силах двадцать пять и более лет, а также тем генералам и офицерам, которые имели особые заслуги перед Родиной, хотя и не имели выслуги 25 лет, и уволенным в запас или в отставку с правом ношения формы одежды. Отличительный знак представлял собой полоску из галуна шириной 28 мм, нашиваемую поперек погона на его нижнем конце. На золотом погоне полоска из серебряного галуна, на серебряном - из золотого. Для уволенных в отставку серебряный галун имел золотой зигзаг, а золотой галун - серебряный зигзаг. На генеральском погоне зигзаг располагался во всю ширину галуна, а на погоне старших офицеров - по средней части галуна. Однако этот знак различия породил пренебрежительное отношение к уволенным со службы офицерам со стороны младших по званию офицеров, сержантов и солдат. Дело доходило до неотдания чести, дерзостей. Отменили их приказом Министра обороны № 63 от 19 апреля 1955 года».

Что-то подобное на погонах я увидел в документальном фильме «Красный граф», 2014 года, про военного деятеля, дипломата, советника руководителя

НКВД, генерал-лейтенанта Игнатьева Алексея Алексеевича, вышедшего в отставку в 1947 году.

Неудачи преследовали отца и после его увольнения из армии. Ушёл он в 1954 году ещё на сталинскую пенсию в 5000 рублей. Наступили плюшевые времена и вскоре эта пенсия по решению главы государства Хрущёва Н.С. была урезана для категории генерал-майоров и генерал-лейтенантов до максимальных 3000 руб.

И это ещё не всё. В 1957 году Хрущёв после своей поездки в город Горький и «беседы» с сормовскими рабочими принял решение о прекращении на 25 лет выплат по всем выпускам облигаций внутреннего займа, на который в то время всех рабочих и служащих заставляли подписываться принудительно. Вплоть до того, что зарплату выдавали облигациями. Наша семья, как и многие другие семьи генералов, потеряла тогда 100 000 рублей. И у отца возникли серьёзные проблемы со строительством дачи, которую он начал строить на ст. «Трудовая» (с Савёловского ж/д вокзала) на участке в полга, выделенном ему от Академии Генштаба.

От матери и других своих родственников знаю, что отец никогда ни у кого не просил для себя вышестоящей должности или улучшения бытовых условий для семьи. Хотя возможностей и оснований для этого у него было предостаточно. Жили мы очень скромно и тесно в коммунальной квартире, и отец был рад тому, что имел и ни на что большее не претендовал.

1-го июня 1957 года от обширного инфаркта миокарда на 60-ом году жизни в военном госпитале в Серебряном переулке Арбата отца не стало. Похоронили его со всеми воинскими почестями на Новодевичьем кладбище Москвы. После чего, как это часто имело место в нашей стране, единственной стране в мире с непредсказуемым прошлым, начались разного рода метаморфозы с его именем.

Которое до 1957 года мало кому было известно даже в Литве. Но после его смерти и после того, как некролог в газете «Правда» подписали: Г.К. Жуков (в то время Министр обороны), Р.Я. Малиновский, А.М. Василевский, С.М. Будённый, И.Х. Баграмян, А.С. Желтов, Г.К. Маландин, П.А. Ротмистров, М.В. Рудаков, П.П. Собенников, В.Г. Позняк, Н.П. Иванов, В.П. Конокотин, А.И. Родимцев, Н.С. Осликовский; а также всё руководство Литвы: Ю.И. Палецкис, А.Ю. Снечкус, М.Ю. Шумаускас, и др. - именем Жемайтиса Ф.Р. стали называть улицы, школы и площади в Литве. Видимо, в каждой республике должны были быть свои Чапаевы, и он для этой роли подходил в Литве, как никто другой.

В декабре 1975 году ему на центральной площади г. Шяуляя в торжественной обстановке был открыт памятник. Моих маму, брата и сестру литовцы пригласили на открытие, как и на многие дальнейшие торжественные мероприятия, посвящённые знаменательным событиям в их республике. Я в то время служил в армии вдали от Москвы и не мог на них

присутствовать. К маме домой шли поздравительные телеграммы, открытки и письма от Снечкуса, Палецкиса, Шумаускаса, других высокопоставленных литовских чиновников, от пионеров школы имени Жемайтиса в Шяуляе и т.д. с разного рода праздничными поздравлениями, с юбилеями, с днями рождения, пожеланиями здоровья и долгих лет жизни. Частью все эти телеграммы, открытки и письма я передал в Библиотеку Академии наук Литвы, часть была передана в московские архивы, кое-что осталось у меня дома, часть утеряна. Но то, что осталось, впечатляет и даёт представление о былом внимании и уважении к памяти отца на его родине.

Закончилась вся эта идиллия в конце 80-х годов с уходом в мир иной наших литовских друзей, с развалом СССР, обретением независимости всеми его республиками. Случилось то, что и должно было случиться по не ведомым никому законам истории, когда миром начинает править молодость и любовь к жизни – в 1989 году памятник был демонтирован в соответствии с духом нового времени. И, слава Богу, что всё течёт, всё меняется и сегодня мы все имеем возможность, по мере раскрываемости наших архивов, заглянуть в наше недавнее прошлое. Оторвавшись, наконец, взглядом от сказочного 70-летнего представления о нём с его надуманными победами малой кровью, мифическими завоеваниями социализма и былинными героями ратного и мирного труда, чтобы с большей уверенностью строить свою жизнь в настоящем и точнее прогнозировать будущее.

В моей и моей семьи памяти отец остался добродушным, отзывчивым и щедрым на подарки человеком. Прекрасным семьянином, счастливо прожившим с мамой 20 лет до конца своей жизни, ощущение которой во всей её суровости и бесчеловечности не повлияли на него в сторону ожесточения или какой-либо чёрствости к людям. Что служило после нескольких лет сознательной и совместной с ним жизни (в день смерти отца мне не было и 13 лет) источником светлой памяти о нём и примером для подражания. Он, по воспоминаниям моим и моих близких, остался для всех нас образцом мужественности, терпения, простоты в общении с окружающими, бесхитростности и лишённым какого бы то ни было высокомерия и чванства. Настоящий генерал и патриот России, доброта которого служила во вред его военной карьере в Советской армии с её суровостью начальников и командиров по отношению к подчинённым и жестокой дисциплиной для всех.

Зная, что 8 января 2019 года исполняется 100 лет с начала восстания в Шяуляе и о неудачном представлении в 1928 году отца к высшей награде страны ордену «Красного Знамени», я в 2018 году обратился в Минобороны и в администрацию Президента РФ с ходатайством о присвоении отцу звания Героя России. Ничего особенного в моём обращении я не видел – звание Героя России сегодня присваиваются спортсменам за спортивные достижения, бывшим боевикам, убивавшим в прошлом русских военных, за добытые сведения военного и государственного характера и т.д.

Присваивается оно и посмертно, в том числе и за подвиги в Великой Отечественной войне. Вот это моё обращение.

«В МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

от подполковника в отставке, ветерана войны в Афганистане
Жемайтиса Ольгерд Феликсовича, 119634, Москва, ул.
Лукинская, 9, кв. 474.
Тел. гор. ... моб. ...

В связи с приближающейся 100-летней годовщиной начала вооружённого восстания в Шяуляе Литвы (8 января 1919 – 10 марта 1919 гг.) под руководством моего отца, литовца по национальности, в будущем генерал-майора БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИСА ФЕЛИКСА РАФАИЛОВИЧА (1897-1957 гг), выходца из литовской крестьянской семьи деревни Апидимы Тельшяйского района Ковенской губернии. Которого по линии Коминтерна с настоящей фамилией БАЛТУШИС под именем ЖЕМАЙТИС АНТАНАС ИОСИФОВИЧ как опытного бывшего царского офицера-фронтовика и красного командира в декабре 1918 года направили в Литву, оккупированную немцами, для подпольной работы. И, как оказалось, полностью оправдавшего надежды Загрюбо КП Литвы и правительства ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР во главе с МИЦКЯВИЧУС-КАПСУКАСОМ. Ибо в результате соблюдения правил конспирации и грамотных действий в условиях подполья силами скрытно вооружённых повстанцев при активном участии литовских коммунистов немецкий гарнизон был разоружён, город оказался в руках восставших. И до подхода соединений и частей Красной Армии из Советской России в течение 2-х месяцев удерживался восставшими, успешно отбивавшимися от многочисленных атак кайзеровцев, пытавшихся вернуть стратегически важный узел автомобильных и железных дорог под свой контроль. Из восставших затем был сформирован Первый Жемайтский полк Красной Армии в количестве 1000 человек, состоявший из одних литовцев, которым БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИС командовал до его разгрома и изгнания советских войск немцами с территории Прибалтики в апреле 1919 года. За что в 1928 году по ходатайству своих бывших начальников, - видного деятеля Коминтерна МИЦКЯВИЧУС-КАПСУКАСА и Председателя Госплана СССР ХВЕСИНА Т.С., - отец был представлен к ордену КРАСНОГО ЗНАМЕНИ. В то время самой высокой награде страны, за 6 лет до учреждения звания Героя Советского Союза и за два года до ордена Ленина.

Отец этот орден не получил, видимо, по причине указанного в представлении непосредственного начальника отца в 1918 году МИРОНОВА Ф.К., оказавшегося в 1921 году врагом народа и расстрелянного в Бутырской тюрьме Москвы. А также организатора Литовской КРАСНОЙ АРМИИ в

1919 году РАСИКАСА Р.С. и указанного выше ХВЕСИНА Т.С., которые оба в дальнейшем также были расстреляны по 58-й статье.

Генерал-майор БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИС - активный участник гражданской войны в ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ в 1918 году. В должности командира партизанского отряда в подчинении у Командующего войсками Киевского направления МУРАВЬЁВА М.А. он успешно воевал против украинских националистов и немцев. В том числе и в боях при оставлении Харькова.

В апреле 1918 года по приказу МИРОНОВА сформировал на Дону и командовал Третьим казачьим революционным полком, в котором в 1918 году был принят в РКП/б. Затем в должности командира полка и начальника штаба дивизии в дивизиях МИРОНОВА, КИКВИДЗЕ, БЛИНОВА участвовал в многочисленных боях с белыми.

У БУДЁННОГО отец семь месяцев работал в должности начальника оперативного отдела штаба Первой Конной армии до расформирования этой армии в 1923 году. Работал он у него несколько лет и в Москве помощником Инспектора кавалерии, что отражено в книге маршала ЖУКОВА Г.К. «Воспоминания и размышления» в разделе «В инспекции кавалерии».

По неподтверждённым и косвенным данным в октябре 1923 года он под командованием ТУХАЧЕВСКОГО М.Н. с несколькими сотнями военспецов участвовал в Гамбургском вооружённом восстании, подавленном германскими войсками.

Из-за доносов своих сослуживцев в НКВД в конце 30-х годов БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИС проходил по делу «Польской организации войсковой», - якобы в Академии Фрунзе, где он работал с 1935 по 1940 гг старшим преподавателем, возглавлял ячейку этой организации. По делу «ПОВ» были казнены и оказались в гулаговских лагерях тогда многие видные советские военачальники.

Ареста и расстрела избежал по причине присоединения Прибалтики к СССР, когда срочно понадобились кадры со знанием литовского языка, и в 1940 году он уже служит в Каунасе в должности Командующего Литовской народной армией в звании бригадного генерала.

С мая 1942 по апрель 1943 гг в звании генерал-майора он был первым командиром 16-й Литовской стрелковой дивизии, которая сразу же после развёртывания и 400-км марша, прибыв в феврале 1943 года с головными подразделениями на Брянский фронт, без отставших на марше из-за мороза и глубокого снега основных сил дивизии, артиллерии и тылов. Вопреки докладам отца о неготовности дивизии к наступлению после длительного марша в условиях бездорожья и необеспеченности продуктами питания, горючим и транспортом. Когда бойцам пришлось на себе нести вместе со своей тяжёлой экипировкой ещё и имущество дивизии. Без сна и отдыха все они на следующий же день голодные и измученные долгим переходом по приказу Ставки были брошены в бой на прорыв хорошо укреплённых

позиций немцев под Орлом в районе ж/д станции «Змиёвка» без надлежащей артиллерийской подготовки и сил усиления.

Понеся большие потери, - 50% от 10374 максимальной численности соединения после её развёртывания в Горьковской области, - из-за ежедневных и бесплодных атак позиций немцев в течение одного месяца в феврале-марте 1943 года, а также по причине немецкого господства авиации в воздухе и необстрелянности личного состава. Не выполнившая ни одной из поставленных задач, разгромленная и с упавшими духом воинами дивизия была выведена во второй эшелон 48-й армии для доукомплектования. Уже в ходе боёв Командующим армией генерал-лейтенантом РОМАНЕНКО и его заместителями последовали разгромные приказы и разборки с несоответствиями занимаемым должностям, с привлечением к суду военного трибунала, с состоявшимися якобы уже расстрелами проявивших трусость и т.д. К счастью, всё это оказалось пустой писаниной в целях снятия с себя ответственности за большие потери соединения, ибо никого тогда не расстреляли, не сняли с должности, кроме отца, и не отдали под суд. Даже выдвинутые на передовую заградотряды не применяли оружие. Хотя однажды дело чуть не дошло до перестрелки между «литовцами» и русскими. Когда заместителю Командующего армией полковнику КОЛГАНОВУ с пьяных глаз вдруг показалось, что один батальон дивизии в полном составе сдаётся немцам. (ЦАМО, Подольск, личное дело, рапорт отца). Не зная, видимо, о том, что литовцев в дивизии было всего ничего. Вся она была интернациональной с преобладающим процентом бойцов еврейской национальности, которые за все годы войны по вооружённым силам проявляли чудеса храбрости и по удельному весу Героев Советского Союза не имели себе равных.

И всё же несколько неприятных документов с откровенным враньём оказались подшитыми в личное дело отца.

В апреле 1943 года его возвращают с фронта в Москву на должность старшего преподавателя Высшей военной академии имени Ворошилова (с 1958 года Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил СССР). Слава Богу, без роковых последствий для него самого и его семьи.

На фронте Первой мировой войны отец воевал с 1915 по 1918 гг, прошёл боевой путь от вольноопределяющегося до звания подпоручика. Был неоднократно ранен, в одной из штыковых атак в шею. В январе 1918 года под Двинском (ныне город Даугавпилс Латвии) при отступлении 304-го Новгород-Северского полка 5-й армии, в котором отец воевал на фронте, с группой солдат попал в немецкий плен. В том же месяце бежал из плена, что отражено в его Послужном списке, хранящемся в РГВА.

В гражданской войне в России тоже неоднократно был ранен, в том числе и два раза тяжело в голову во время восстания в Шяуляе, и оба раза оставался в строю. На его жизнь покушались и литовские националисты.

И тем не менее он не имел ни одной боевой награды за всю свою 39-летнюю безупречную службу в армии. Только серебряный портсигар и несколько

грамот в качестве благодарностей за участие в гражданской войне, которые все потом им были уничтожены, ибо подписаны были, как потом оказалось, «врагами народа». Вместе с ними в урну для мусора полетели и награды за Первую мировую войну, которые могли его как коммуниста-интернационалиста скомпрометировать в глазах сослуживцев и навлечь подозрения в благонадёжности режиму у сотрудников особого отдела. Во время работы в Высшей военной академии защитил кандидатскую диссертацию, является автором многих научных трудов и статей. Работал в должности Начальника курсов по усовершенствованию высшего командного состава Красной Армии с непосредственным подчинением Начальнику Академии маршалу ШАПОШНИКОВУ Б.М., ценившему отца за его профессиональные знания, усердие и исполнительность.

В 1944 году по представлению Первого секретаря ЦК КОМПАРТИИ ЛИТВЫ СНЕЧКУСА А.И. и Начальника Главного управления кадров МО генерал-полковника ГОЛИКОВА Ф.И. выдвигался на пост Народного комиссара обороны Литвы (РГАСПИ, Ф 17, оп. 100, д. 256169, лл 23-24). Должность упразднили, и представление было отозвано.

Начальником Высшей военной академии им. Ворошилова генералом армии КУРАСОВЫМ В.В. представлялся к званию генерал-лейтенанта, что отражено в личном деле отца, хранящемся в ЦАМО города Подольска, но и в этом ему тоже было отказано.

К увольнению из армии имел за выслугу лет и научную деятельность два ордена Ленина, два ордена «Красного Знамени», вручённые с 1944 по 1949 годы, и пять юбилейных медалей.

Уволился из армии в 1954 году в запас по состоянию здоровья. Умер через три года после увольнения в возрасте 59 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

При таком ярком, самоотверженном и полном опасностей служении Родине без выходных, праздников и нормированного рабочего дня, что было, в общем-то, характерно для всех военнослужащих сталинской поры.

А также при такой скромности в личной жизни, - наша семья из 6 человек до 1964 года ютилась в 3-хкомнатной квартире генеральского коммунального общежития от Академии ГШ, - отец остался, по сути, обойдённым не только в вопросах наград и званий, но и в вопросах семейного уюта.

Заслуживают внимания и нашей памяти литовские ветераны Жемайтского полка, прошедшие хорошую школу военной службы, фронтовой сплочённости и братства по оружию во главе с отцом и с россиянами в одном строю в годы гражданской и Великой Отечественной войны. Они активно участвовали в партизанском движении на оккупированных немцами территориях, многие составили актив 16-й Литовской стрелковой дивизии в годы ВОВ, что помогло её сплочению и продвижению с боями по стране. А в Литве в военное и послевоенное время являлись ещё и своего рода противовесом литовским формированиям под патронажем немцев, а после

них лесным братьям. И благодаря своему авторитету успешно разоружали врагов Советской России.

После войны многие из них занимали высокие посты в Литве на пользу русско-литовскому культурному и деловому сотрудничеству, до конца своих дней очень хорошо отзываясь о моём отце.

В 1975 году по решению руководства Литвы на центральной площади Шяуляя отцу был поставлен памятник (в конце 80-х демонтирован).

Приезжали ветераны в Москву на возложение венков на его могилу.

Приглашали нашу семью в Литву на празднование юбилеев, на летний отдых в Палангу. В 1972 году вместе с ветеранами дивизии подписались под общим письмом, хранящемся в личном деле отца в ЦАМО Подольска, в защиту своего генерала от незаслуженных обвинений в приказах по 48 армии, якобы о срыве дивизией наступления под Орлом в 1943 году по его вине.

На основании вышеизложенного и на пользу делу патриотического воспитания молодёжи на примере яркого и полного опасностей и лишений служения России Балтушис-Жемайтисом Феликсом Рафаиловичем. Учитывая его главенствующую роль в удачно организованном и проведённом восстании в Шяуляе и его окрестностях в январе - марте 1919 года. В результате чего были прекращены провокации немецких, польских и белогвардейских формирований на границе с Россией. Прекратился вывоз немцами ценностей из неё. Прервалось стратегическое взаимодействие между немецкими и их союзническими частями и соединениями, что облегчило ввод на территорию Литвы, Латвии и Эстонии пяти стрелковых дивизий и нескольких отдельных частей Красной Армии из Советской России для поддержки «революционных выступлений» в Прибалтике. Повлёкшего за собой начало «гражданской войны» на её территории и расторжение униженного для России Брест-Литовского договора в непростое для неё время.

А также за спасение многих российских жизней за счёт участия в боевых действиях литовских добровольцев, участвовавших в восстании и из числа которых был сформирован под командованием БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИСА Первый Жемайтский полк в количестве 1000 человек (из 1200-1500 всех литовцев, присоединившихся к Красной Армии).

Показавших затем себя с наилучшей стороны в боях с немецкими оккупантами, польскими интервентами, литовскими националистами и бандами Бермондт-Авалова.

В связи с приближающейся 100-летней годовщиной начала восстания, явившегося прологом в освободительной войне России против Германии, прошу рассмотреть вопрос о награждении генерал-майора БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИСА ФЕЛИКСА РАФАИЛОВИЧА медалью «Золотая Звезда» РФ с присвоением звания ГЕРОЯ РОССИИ посмертно.

Прошу также обсудить вопрос о наградах для активных участников восстания, проявивших героизм и стойкость в составах Первого Жемайтского полка в гражданской войне и в 16-й Литовской стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Что наверняка будет расцениваться потомками награждённых как справедливая оценка заслуг их предков за верное и самоотверженное служение Литве и России в деле борьбы с германским милитаризмом и фашизмом только что созданной Красной Армией на её самом начальном пути к Дню Победы 9 мая 1945 года.

Прошу об этом, зная о справедливом подходе в деле присвоения звания ГЕРОЯ РОССИИ в нашей стране за чьи-нибудь образцовые выполнения заданий, выполнявшихся не только в пределах и за пределами Российской Федерации, но и за границами Советской России и СССР. С взятием на себя юридической ответственности за всё случившееся после 1917 года.

К тому же я уверен, что со временем отношения с Литвой улучшатся, и вся наша общая с ней история, перестав быть политикой, станет основой дружбы двух стран, ибо большое всегда видится на расстоянии. Поэтому такого рода инициированное с российской стороны внимание к прошлому братству по оружию послужит только на пользу российско-литовским отношениям и явится наглядным уроком для сплочения российского многонационального народа, у которого «никто не забыт и ничто не забыто». Что в значительной степени касается правнуков генерала, живущих в Москве и носящих фамилию ЖЕМАЙТИС, на благо их настоящему и будущему верному служению РОССИИ по примерам не только их литовского прадеда генерала, но и других мужчин этой фамилии: меня (1944 г.р.), моего сына Жемайтиса Яниса (1978 г.р.), двух моих братьев: Феликса Балтушис-Жемайтиса (1939-1960 гг) и Станислава Жемайтиса (1926-2001 гг). Все мы в офицерских чинах верой и правдой служили и служим (мой сын РОССИИ на действительной военной службе). А будущий подполковник Станислав Жемайтис в июне 1945 года, тогда курсант Московского военно-инженерного училища, участвовал в Параде Победы в Москве на Красной площади.

Многочисленным же родственникам отца, живущим в Литве и Европейском Союзе, как и всем литовцам, эта награда лишней раз напомнит о светлых и трагических страницах нашей общей великой истории, приведших к свободе и независимости Российской Федерации и Литовской Республики. Поэтому очень надеюсь на Ваше положительное решение вопроса. Со своей стороны, каждое слово ходатайства готов подкрепить архивными и мемуарными документами, список которых прилагаю.

Подполковник Жемайтис

25.06.2018 г.»

Получил ответ.

ГЕРБ

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ЖЕМАЙТИСУ О.Ф.

Г. МОСКВА, 119160

26 ИЮЛЯ 2018 г, №173/3/416/п

УВАЖАЕМЫЙ ОЛЬГЕРД ФЕЛИКСОВИЧ!

Ваше обращение в Минобороны России по вопросу присвоения звания Героя Российской Федерации Вашему отцу, Балтушис-Жемайтису Феликсу Рафаиловичу, по поручению рассмотрено в Главном управлении кадров Министерства обороны Российской Федерации.

В результате изучения документов Государственного архива Российской Федерации и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации установлено, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1949 года №181/469 «О награждении орденами и медалями рабочих, крестьян и представителей передовой интеллигенции Литовской ССР» за активное участие в революционных событиях 1918 – 1919 годов в Литве Жемайтис Ф.Р. награждён орденом Ленина. Орден №98386 с орденской книжкой №267122 награждённому вручён.

В соответствии с Положением о государственных наградах Российской Федерации, утверждённом Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года №1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» очередное награждение государственной наградой производится за новые заслуги и достижения. Отличия Жемайтиса Ф.Р., о которых Вы пишете в обращении, отмечены государственной наградой СССР.

Учитывая изложенное, поддержать Ваше ходатайство не представляется возможным.

Заместитель начальника Главного управления кадров подпись В.
Константинов

Работая в 90-х годах в Центральном архиве Минобороны в городе Подольске я не нашёл информации, за какие заслуги отцу присвоили два ордена «Красного Знамени» и два ордена «Ленина». Знаю только, что этими орденами в 40-е и 50-е годы награждали в том числе и за выслугу лет, соответственно за 20 и 30 лет службы в армии. За что у отца были два других таких же ордена, слышал, что за научные труды, которых у него было

довольно много. Поэтому и обратился с ходатайством отметить заслуги своего родителя посмертно самой высокой наградой во благо исторической справедливости и благодарности за верную службу России, которую он любил всей душой как искренний коммунист и патриот. И к которой он был представлен в 1928 году - в то время орден «Красного Знамени» являлся самой высокой наградой.

Получилось, что ходатайствовал я напрасно, очевидно ещё и потому, что вся его биография, изобилующая тревогами и опасностями сталинской эпохи, имеет очевидно и теневую сторону советско-прибалтийских отношений, которую власти страны предпочитают не афишировать. Поэтому остаётся только верить, что история, благодаря своей справедливости и обрётённой в будущем независимости от конъюнктуры когда-нибудь даст новую оценку всему ушедшему с полезными уроками на будущее. Благодаря чему потомки с учётом уже своего опыта и новых фактов будут дорисовывать портреты своих предков, о каждом из которых в стихотворении «О Володе Высоцком» Булат Окуджава хорошо сказал: «...Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа...», что позволит изучать и показывать жизнь людей, творящих историю, во всём диапазоне мексиканских страстей, тревог и опасностей, низменных поступков одних и романтического великодушия других, которыми не были обделены и упоминаемые мной имена. Вот всего лишь несколько работ Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, в прошлом соратника отца по революционной работе в Литве Юстаса Палецкиса, опубликованные в его книге «В двух мирах». Они, как ничто другое, хорошо передают дух ушедшей советской эпохи с её верой в светлое будущее.

Нам крылья Партия дала
И подняла высоко,
Взгляни: в грядущее мосты
Проложены далёко.

Спасибо, Партия, тебе
От многих поколений
За наше счастье, за права
За наше возрожденье!

Как миллиарды глаз людских
Стремятся к солнцу, к вёснам,
Так мысли всех людей простых
Летят к кремлёвским звёздам.
Всё, что взлелеяно в веках,
В столетий грозном дыме,
Слилось на разных языках
В одно родное имя.

(Перевод М. Вершинина).

 Разбив врага и сбросивши оковы,
 И ты в салютах прогремишь, Литва!
 Ты будешь праздновать свой Грюнвальд новый,
 И просияет радостно Москва!

(Перевод М.Зенкевича)

 Мои глаза застлали счастья слёзы:
 Враг подходил к тебе, но ты жива...
 Так здравствуй, здравствуй, вынесшая грозы,
 Подтянутая, крепкая Москва

Ты ласково, тепло, как мать родная,
 Встречаешь и приветствуешь меня...
 Так пусть же вечно над тобой сияют,
 Москва, лучи безоблачного дня.

(Перевод Дм. Кедрина)

 Борцу-коммунисту Антанасу Снечкусу.

Декабрьским утром, серым и морозным,
 Когда друзья под пулями легли,
 Ты поднял знамя и пошёл с народом
 На бой за счастье матери Литвы.

Готовый к многолетнему подполью,
 Ты сплачивал вокруг себя бойцов
 И верил всей душой, всей болью,
 Что правда победит в конце концов

И эта вера к цели дерзновенной
 Тебя навстречу подвигам вела,
 Сияла солнцем в камере тюремной
 Звездой путеводною была.

Чужое имя, адрес, документы -
 Чтоб обмануть жандармов и тюрьму...
 Но миновали горести и беды,
 И, как солдат, дождавшийся победы,
 Ты радуешься – выиграл войну.

Всегда с народом, в мыслях о народе,
 Другой тебе не надобно судьбы.
 Но всюду помнишь – в праздниках, в работе
 Друзей, погибших в пламени борьбы.

(Перевод С.Куняева)

 Когда оставить на земле, как след,
 Ты хочешь память по себе, хоть малость,
 Готовься жить до сотни полных лет,
 Трудись, как будто жить лишь день осталось.

...

Живи, чтоб у предела всех тревог,
 Когда могила будет на примете,
 Сказать бы твёрдо пред концом ты смог:
 «Прекрасна жизнь, и стоит жить на свете!»

(Перевод Д. Бродского)

Вторит ему и знаменитая литовская поэтесса Саломея Нерис (1904 – 1945):

Влившись в СССР – народов море,
 Зазвени, как новая струна,
 В их могучем и согласном хоре,
 Светлая Литва, моя страна!

Невольно позавидуешь оптимизму и уверенности в правоте дела партии не только главного советского литовца Палецкиса, но и всех писателей, поэтов, коммунистов Литвы, в большинстве своём искренне веривших в идеалы советского социализма и интернационализма, в победу мировой революции, в идеи пролетарской справедливости и счастья на планете. К чему надо относиться всегда с уважением и вниманием, не осуждая их за наивную с высоты нашего времени романтику и искреннюю верность великой коммунистической утопии 20 века. Ведь все они желали людям только добра и мечтали отнюдь не о сталинском социализме с расстрелами и голодоморами. А каждый о своём, с человеком-творцом и грядущим для всех земным раем, и для этого не щадили себя ни на фронтах многочисленных сталинских войн и подпольной работы в тылу, ни в мирной жизни. Все они работали на величие Советского Союза, занявшего в истории человечества как второй по мощи после США супердержавы, отнюдь не последнюю роль в деле преобразования и взаимопонимания всех народов земли в Содружестве наций. Поэтому все герои, верой и правдой служившие

Советскому Союзу, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, как хорошо сказал мало знакомый читателям герой Отечественной войны 1812 года генерал-майор Кульнев Яков Петрович, которого историки называют «спасителем Санкт-Петербурга», «не умирают и оживают в потомстве». История разберётся что к чему и каждому воздаст по заслугам в соответствии с благими помыслами каждого и деяниями во имя справедливости героя будь то Российской или Советской империи.

В заключение ко всему сказанному, чтобы хоть немного проникнуться духом неотвратимого развала Советского Союза по вине бездарных его руководителей, приведу письмо племянницы моего отца из Шяуляя, написанное 27.12.1990 года, и адресованное моей сводной сестре Эльвине

Дорогая Эльвина!

Поздравляем Вас с Новым годом и желаем здоровья, успехов и мира. Мы сейчас живём, как на вулкане. Очень хочется быть самостоятельными и свободными! Посмотрим, что будет дальше. Цены повышают на все продукты питания, а пенсии и зарплаты пока нет. С января 1991 года повысятся цены на мясо, масло, хлеб и т.д. Мы с мужем оба пенсионеры, но работаем. Муж на всю ставку, а я подрабатываю уроками химии. Получаю только 45 рублей. Сын учится на 5-ом курсе медицинского института. Учиться ему ещё год, а потом два года /интернатуры/. Мама (сестра отца. Авт.) жива, отпраздновали её 88-летие. Очень ждала вас в гости летом, жду и сейчас. У нас ещё можно существовать, хотя покупаем еду в очередях. Промтовары продаются по спискам. Как ваше здоровье? Как живут близкие, Стасик, Гера (это я. Авт.). Сняли дядю с постаменты в Шяуляе. Как показывали по телевизору весь этот процесс, было не по себе.

С наилучшими пожеланиями Тене,

Как говорится, «жить прожить нужно так, чтобы после смерти враги боялись твоего памятника!».

25 апреля 2021 г

ПРИМЕЧАНИЯ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ И ДОКУМЕНТЫ, В КОТОРЫХ
УПОМИНАЕТСЯ БАЛТУШИС-ЖЕМАЙТИС Ф.Р. КАК
РУКОВОДИТЕЛЬ ВОССТАНИЯ В ШЯУЛЯЕ В 1918-1919 ГОДАХ

- рапорт командира бывшего Восьмого литовского стрелкового полка Ф. Жемайтиса начальнику Второй стрелковой дивизии армии Советской Латвии Андрееву о прибытии в Купишкис отряда полка, от 3 апреля 1919 года (ЦГАСА СССР, ф.1042, оп.1, д.25, л.106, подлинник)
- представление Балтушис-Жемайтиса к ордену Красного Знамени за 1928 год. Военно-исторический музей им. Витаутаса Великого, Каунас;
- Балтушис-Жемайтис Ф.Р. журнал «Война и революция» №7 (1929 г) статья «Гражданская война в Литве в 1919 году»;
- некролог в газете «Советская Литва» за 2 июня 1957 года на кончину Балтушис-Жемайтиса;
- газета «Tiesa» за 11, 15, 16, 17 октября 1957 г.;
- сборник документов «Борьба за Советскую власть в Литве в 1918-20 гг», 1967 год, стр: 133, 198, 242-243, 398;
- сборник статей на русском языке, посвящённых 40-летию Пролетарской революции в Литве (Вильнюс, 1959 г, стр. 120-131);
- газета «Советская Литва» от 30 ноября 1967 года, статья «Памятные встречи» Г. Пранцулиса;
- книга Ионаса Жибуркуса «Zemaiciu pulkas», Вильнюс, 1969 г.;
- книга Пятраса Билявичюса, «Шяуляй», стр. 16, Издательство «Минтис», Вильнюс, 1974 г;
- Ю.И. Палецкис «В двух мирах», 1974 г. стр.48, 318, 326, 389, фото в приложении;
- журнал «Партии верные бойцы» за 1977 год, статья, посвящённая 80-летию Балтушис-Жемайтиса. Архив общественных организаций Литвы;
- газета «Советская Литва» за 29 ноября 1987 г;
- журнал «Купишкис» №1 за 2003 год на литовском языке, статья Регимантаса Пилкаускаса;
- журнал «Вопросы истории» № 4 за 2003 год, Жемайтис О.Ф., статья «Восстание в Шяуляе в конце 1918 – начале 1919 гг и судьба его руководителя»;
- Томас Балкелис «Война, революция и становление литовской нации», 1914 – 1923 гг. Издательство «Университет», Оксфорд. Стр. 80 – 86, 110 – 114. На английском языке.

ДРУГОЙ МАТЕРИАЛ, КАСАЮЩИЙСЯ ОТЦА

1. Г.К. Жуков «Воспоминания и размышления», раздел «В инспекции кавалерии».
2. А.И. Ерёмченко «Годы возмездия 1943 – 45 гг», издание 2-е. стр.69.

3. Е.Я. Яцовскис «Забвению не подлежит», стр.52.
4. «Академия Генерального штаба» (Москва, Военное издательство, 1987 г).
5. РГАСПИ, ф.17, оп.100, д.256169, л.23; д.256169.
6. Газета «Вечерняя Москва», статья «Медаль, пробитая осколком» за 22 июля 1991 г.
7. Журнал «Военно-исторический архив» № 6 за 2005 г Жемайтис О.Ф. «Первый бой 16-й Литовской стрелковой дивизии».
8. ЦАМО, г. Подольск Моск. обл. Личное дело генерал-майора Балтушис-Жемайтиса Ф.Р. Инв. 0405030, коробка Б-384.
9. ЦАМО, г. Подольск Моск. обл. Журнал боевых действий 16 Литовской стр. дивизии, ф.1079, опись 1, коробка 10675.
10. РГВА, Послужной список Балтушис-Жемайтиса Ф.Р.
11. Библиотека Академии наук Литвы, Вильнюс, фонд 328 (Балтушис-Жемайтиса).
12. Центральный государственный архив Литвы, Вильнюс.
13. Архив общественных организаций Литвы, Вильнюс.
14. Военно-исторический музей им. Витаутаса Великого, Каунас.

МОИ СТАТЬИ

1. журнал «Вопросы истории» №11-12 за 1996 г. совместная с Генисом статья «Казачья семья Хрипуновых»;
2. журнал «Вопросы истории» №2 за 1998 г. «Афганский дневник»;
3. журнал «Вопросы истории» №8 за 1999 г. «Чехословацкий дневник»;
4. газета «Хамовники» №21 (82) за ноябрь 2001 г. «Тайны дома №18»;
5. газета «Московский комсомолец» №193 за 30 августа 2002 г. совместная с Добровольским статья «Однажды в Москве»;
6. журнал «Вопросы истории» №4 за 2003 г. «Восстание в Шяуляе в конце 1918 – начале 1919 гг и судьба его руководителя»;
7. журнал «Военно-исторический архив» №10 за 2004 г. «Генеральский дом на Девичьем поле»;
8. журнал «Военно-исторический архив» №6 за 2005 г. «Первый бой 16-й Литовской стрелковой дивизии»;
9. журнал «Военно-исторический архив» №6 за 2006 г. «Валерий Иванович Беценко»;
10. журнал «Военно-исторический архив» №№11-12 за 2006 г. «Загадки Екатерины Святославовны»;
11. журнал «Военно-исторический архив» №№3-5 за 2007 г. «История семьи в документах»;
12. журнал «Нева» №12 за 2007 г.

«Турчанка? Агент ОГПУ? Жертва любви? Екатерина Святославовна Леонова».

13. газета «Ново-Переделкино» №13, июнь-июль 2008г.

«Здесь должен быть музей»

14. журнал «Донская волна», выпуск 95 за 2010 г. Статьи: «Хрипуновы и Гордеевы», «Воспоминания Калабиной», «Екатерина Святославовна Леонова», «Родня из Франции».

15. журнал «Дон» (Ростов-на-Дону) №№10-12 за 2017 год, «Тёща сына Сталина».

НОТА ГЕРМАНИИ СССР ОТ 21.06.1941 ГОДА

Геббельс выступил с заявлением по радио 22 июня 1941 года в 5.30 утра. А **за полтора часа до этого, ровно в 4 утра**, имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп вручил заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову меморандум, в котором были изложены причины нападения Германии на СССР. Вручение этого меморандума явилось актом объявления войны.

О том, что меморандум был вручен, и именно в **4 утра**, мы теперь знаем благодаря научному подвигу мужественного историка Юрия Георгиевича Фельштинского. Это он разыскал соответствующие документы и в 1983 году их опубликовал в сборнике «СССР – Германия. 1939–1941».

Нас десятилетиями приучали к формуле «вероломно без объявления войны», а теперь даже Министерство обороны РФ в своем центральном органе вынуждено признать: Германия войну объявила («Красная звезда», 25 ноября 1998 г.). Та же газета в номере от 23 июня 2001 года уточняет: «Официальные обвинения в адрес СССР зазвучали в меморандуме, врученном министром иностранных дел рейха Риббентропом советскому послу в Берлине 22 июня 1941 года в 4 часа утра».

В чем же важность? Да в том, что нам объявили войну, в чем-то обвинив. И вручили официальную бумагу с обвинениями. Так неужели народ, потерявший в этой войне десятки миллионов, не имеет права знать, в чем же его обвинили, по какой причине на него напали?

Возникают и другие вопросы. Почему нам полвека вралли о том, что война не была объявлена? Почему никогда не вспоминали тот меморандум? Кстати, где он сейчас? Почему его не показывают? Что в нем содержится?

В Интернете документ гуляет, в Президентском архиве сей документ пылится. Но правительство России его не публикует, не комментирует, не разоблачает и фальшивкой не обзывает.

Правительство Германии объявило войну Советскому Союзу и на десятках примеров свои действия объяснило, как единственно возможные в сложившейся ситуации. Почему же никто на это не реагирует? Чем вообще занимаются Министерство обороны, Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, Академия наук, Академия военных наук, Институт военной истории и прочие структуры со столь громкими именами?

Почему молчали наши гениальные полководцы? Почему Жуков в своих мемуарах на много страниц расписывал переговоры делегаций СССР, Великобритании и Франции, к которым он лично никакого отношения не имел, но ни слова не сказал о том, что германское правительство, совершив нападение, чем-то свои действия обосновывало? Ведь к началу войны Жуков был начальником Генерального штаба и ему – кому же еще? – надо было после войны давать отповедь брехунам, если в меморандуме германского правительства содержалось вранье.

И современные российские генералы притихли. Вас, граждане генералы, ваших отцов и дедов обвинили в преступлении, а вы молчите. 10 лет молчите, 20, 30, 50, 70...

Удивляет и другое: если война великая, справедливая, освободительная, то зачем хитрить? Зачем искажать правду, скрывать и прятать документы? И почему великая война окутана, опутана, оплетена ложью? Почему наши правители извращали и продолжают извращать историю войны с первого ее мгновенья, прямо с 4.00 утра 22 июня? Почему наши правители, описывая начало войны, заврались так, что превзошли самого Геббельса?

На все эти вопросы может быть только один ответ: на обвинения германского правительства, изложенные в меморандуме, товарищу Сталину и другим кремлевским товарищам возразить было нечего ни ранним утром 22 июня, ни 10 лет спустя, ни 20, ни полвека...

Было бы что сказать в ответ, давно сказали бы.

Но крыть было нечем. Потому вместо возражений товарищ Сталин заявил, что Советский Союз ни в чем не виноват, обвинений ему никто не предъявлял, никакого меморандума он от германского правительства не получал. Тут же была введена в оборот ходовая формула «вероломно без объявления...» И десятилетиями повторялось: без объявления, без объявления, без объявления ...

И встал бы вопрос о том, правда содержится в меморандуме или клевета. Советскому правительству отвечать на такие вопросы очень не хотелось. Вместо этого советские обвинители пошли на обман суда, заявив, что Германия напала без объявления.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ МЕЖДУ РИББЕНТРОПОМ И СОВЕТСКИМ ПОСЛОМ В БЕРЛИНЕ ДЕКАНОЗОВЫМ

22 июня 1941 г. в 4 часа утра Канцелярия имперского министра иностранных дел

Имперский министр иностранных дел начал беседу с замечания, что враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую Германия видит в концентрации русских [войск] на восточной границе Германии, заставили рейх принять военные контрмеры. Деканозов найдет подробное изложение мотивов, объясняющих германскую позицию, в меморандуме, который имперский министр иностранных дел ему вручает. Имперский министр иностранных дел добавил, что он очень сожалеет о таком развитии германо-советских отношений, поскольку он, в частности, очень старался способствовать установлению лучших отношений между двумя странами. К несчастью, однако, обнаружилось, что идеологические противоречия между двумя странами стали сильнее здравого смысла, почему он, имперский министр иностранных дел, и оставил свои надежды. Ему более нечего добавить к своим замечаниям, сказал в заключение имперский министр иностранных дел.

Деканозов ответил, что просил о встрече с имперским министром иностранных дел, так как хотел от имени советского правительства задать несколько вопросов, которые, по его мнению, нуждаются в выяснении.

Имперский министр иностранных дел на это ответил, что ему нечего более добавить к тому, что он уже заявил. Он надеялся, что оба государства найдут способ поддерживать друг с другом благоразумные отношения. Он разочаровался в этой своей надежде по причинам, которые подробно изложены в только что врученном меморандуме.

Враждебная политика советского правительства по отношению к Германии, достигшая своей наивысшей точки при заключении пакта с Югославией во время германо-югославского конфликта, просле-

[Фотокопия документа № 182]

живалась на протяжении года. В момент, когда Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть, позиция Советской России, в частности сосредоточение русских вооруженных сил на самой границе, представляет для рейха такую серьезную угрозу, что фюрер решил предпринять военные контрмеры. Политика компромиссов между двумя странами оказалась, таким образом, безуспешной. Это, однако, ни в коей мере не вина имперского правительства, которое точно соблюдало германо-русский договор. Это скорее связано с враждебной позицией Советской России по отношению к Германии. Под давлением серьезных угроз политического и военного характера, исходящих от Советской России, Германия, начиная с этого утра, предпринимает соответствующие военные контрмеры. Имперский министр иностранных дел сожалеет, что ничего не может добавить к этим замечаниям, особенно потому, что он сам пришел к заключению, что, несмотря на серьезные усилия, он не преуспел в создании разумных отношений между двумя странами.

Деканозов кратко ответил, что со своей стороны он также крайне сожалеет о таком развитии событий, основанном на совершенно ошибочной позиции германского правительства; и, принимая во внимание ситуацию, ему нечего более добавить кроме того, что статус русского посольства должен быть теперь согласован с компетентными германскими властями.

Вслед за тем он покинул имперского министра иностранных дел.

Немецкое объяснение причин нападения на Советский Союз или Германская нота СССР об объявлении войны

Германская нота СССР об объявлении войны

Пресс-конференция, на которой министр иностранных дел нацистской Германии Иоахим Риббентроп объявляет о начале войны с СССР, 22 июня 1941 года, Берлин

**НОТА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ
СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ
от 21 июня 1941 года
МЕМОРАНДУМ**

I

Когда правительство рейха, исходя из желания прийти к равновесию интересов Германии и СССР, обратилось летом 1939 года к Советскому правительству, оно отдавало себе отчет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, представляет свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, а с другой — будучи руководимым партией, которая как секция КОМИНТЕРНА стремится к распространению революции в мировом масштабе, то есть к уничтожению этих национальных государств, вряд ли будет легкой задачей. Подавляя в себе серьезные сомнения, порожденные этим принципиальным различием в политической ориентации Германии и Советской России и острейшим противоречием между диаметрально противоположными мировоззрениями НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА и БОЛЬШЕВИЗМА, Германское правительство все же предприняло такую попытку. При этом оно руководствовалось тем соображением, что обусловленное взаимопонимание между Германией и Россией, исключение вероятности войны и достижимое таким образом удовлетворение новых жизненных потребностей обоих издавна считающихся дружественными народов будет лучшей защитой от дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе. Эта мысль была подкреплена тем, что определенные события в самой России и некоторые меры русского правительства на международной арене по меньшей мере

позволяли считать возможным отход от этих доктрин и от прежних методов разложения народов. Реакция Москвы на это предложение немецкого правительства и готовность СССР заключить дружественный пакт с Германией вполне подтверждали вероятность такого поворота.

Таким образом, 23 августа 1939 г. был подписан Пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 г. — Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

Суть этих договоров состояла в следующем:

1) в обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер «интересов» путем отказа германского рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарев — Буг — Сан по желанию Советской России оставлялась за ней.

Действительно, правительство рейха, заключив с Россией пакт о ненападении, существенно изменило свою политику по отношению к СССР, с этого дня заняло дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Оно строго следовало букве и духу подписанных с Советским Союзом договоров. Более того, уладило Польшу, а это значит, ценою немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования. Это стало возможным лишь благодаря доброжелательной политике Германии по отношению к России и блестящим победам вермахта.

Поэтому правительство рейха по праву полагало, что оно может надеяться на соответствующее отношение Советского Союза к рейху, особенно во время переговоров министра иностранных дел рейха фон Риббентропа в Москве. Советское правительство и в других случаях неоднократно отмечало, что эти договоры являются основой для длительного уравнивания двусторонних интересов Германии и Советской России и что оба народа, уважая государственный строй каждой стороны и не вмешиваясь во внутренние дела партнера, придут к длительным отношениям добрососедства. **К сожалению, очень скоро выяснилось, что правительство рейха сильно ошиблось в своих предположениях.**

II

И действительно, сразу после заключения германо-русских договоров Коминтерн активизировал свою деятельность во всех областях.

Это относится не только к одной Германии, но и дружественным ей или нейтральным государствам и территориям Европы, занятым германскими войсками. Чтобы открыто не нарушать договоры, менялись лишь методы и старательней, утонченней проводилась маскировка. Постоянным разоблачением так называемой «империалистической войны Германии» в Москве, очевидно, надеялись компенсировать результаты заключения пакта с национал-социалистической Германией. В результате предпринятых полицией эффективных контрмер Коминтерн вынужден был проводить свою подрывную и

разведывательную деятельность против Германии окружными путями через свои центры в соседних с Германией странах. Для этого прибегали к услугам бывших немецких коммунистических деятелей, которые должны были проводить в Германии ПОДРЫВНУЮ РАБОТУ и подготовку саботажных акций. Комиссар ГПУ Крылов постоянно занимался обучением и подготовкой кадров по этому вопросу. Наряду с этим проводилась подрывная деятельность на занятых Германией территориях, особенно в протекторате и в занятой Франции, а также против Норвегии, Голландии, Бельгии и т.д.

Представительства Советской России, особенно генеральное консульство в Праге, оказывали в этом вопросе эффективную помощь. С использованием радиотехнических средств приема и передачи усердно велась разведка, что является неопровержимым доказательством работы Коминтерна, направленной против рейха. О всей прочей подрывной и разведывательной работе Коминтерна имеется обширный документальный материал показаний свидетелей и письменный материал. Кроме этого, создавались диверсионные группы, имевшие собственные лаборатории, в которых производились зажигательные и взрывные устройства для проведения диверсионных акций. Такие диверсии были, к примеру, проведены по меньшей мере против 16 немецких кораблей.

Наряду с этой подрывной диверсионной работой велся шпионаж. Так, переселение немцев из Советской России использовалось для того, чтобы самыми грязными средствами склонить этих немецких людей работать на ГПУ. Не только мужчин, но и женщин самым бесстыдным образом принуждали давать согласие на сотрудничество с ГПУ. Даже посольство Советской России в Берлине во главе с советником посольства Козловым не постеснялось бесцеремонно использовать право экстерриториальности для шпионских целей. Затем сотрудник русского консульства в Праге Мохов организовал центр русской шпионской сети, охватившей весь протекторат. Другие случаи, в которых полиции удалось своевременно вмешаться, дают ясную и однозначную картину об обширных происках Советской России. Картина в целом ясно свидетельствует о том, что Советская Россия широко проводила против Германии нелегальную подрывную деятельность, диверсии, террор и направленный на подготовку к войне политический, военный и экономический шпионаж.

Что касается подрывной деятельности Советской России за пределами Германии в Европе, то она распространилась почти на все дружественные Германии или занятые ею государства Европы. Так, к примеру, в Румынии с целью создания антигерманского настроения коммунистическая пропаганда в листовках, переправленных из России, обвиняла Германию во всех трудностях. С лета 1940 года то же самое отчетливо проявилось в Югославии. Там листовки призывали к протесту против заключения пакта режимом Цветковича с империалистическими правительствами в Берлине и Риме. На собрании деятелей коммунистической партии в Аграме весь юго-восток Европы от Словакии до Болгарии обозначался русским протекторатом в случае, как они надеялись, ослабления Германии в военном отношении. В советской миссии в Белграде германским войскам попало в руки документальное доказательство тому, что эта пропаганда исходила от Советской России. В то время как коммунистическая пропаганда в Югославии использовала националистические лозунги, в Венгрии она действовала прежде всего среди русинского населения, которое она пленила надеждами освобождения Советской Россией. Особенно активной была антигерманская травля в Словакии,

где открыто велась агитация за присоединение к Советской России.

В Финляндии действовало пресловутое «Объединение за мир и дружбу с Советским Союзом», которое во взаимодействии с радиостанцией «Петроской» стремилось разложить эту страну и работало в крайне враждебном по отношению к Германии духе.

Во Франции, Бельгии и Голландии население натравливали на германские оккупационные власти. Такая же травля, только с национальной и панславистской окраской, велась и в генерал-губернаторстве. Едва германские и итальянские войска заняли Грецию, как пропаганда Советской России и здесь принялась за работу. Общая картина свидетельствует о систематически проводимой во всех странах кампании СССР против попыток Германии установить стабильный порядок в Европе. Наряду с этим против усилий германской политики проводится прямая контрпропаганда, которая пытается выдать эти усилия за антирусские и перетянуть различные страны на сторону Советской России, настроив их против Германии. В Болгарии велась агитация против вступления в Тройственный пакт и за гарантийный договор с Россией. В Румынии 23 января 1941 года была устроена попытка путча, за которым стояли большевистские агенты Москвы, путем внедрения в Железную гвардию и подстрекательства ее руководства, в частности румына Гроза. У правительства рейха имеются соответствующие неопровержимые доказательства.

Что касается Югославии, то правительство рейха располагает документами, свидетельствующими о том, что югославский посланец Георгиевич уже в мае 1940 года после беседы с господином Молотовым пришел к выводу, что там Германию считают «грозным врагом завтрашнего дня». Еще более однозначным было отношение Советской России к изложенным сербскими военными просьбам о поставке оружия. В ноябре 1940 года начальник Генерального штаба Советской России заявил югославскому военному атташе: *«Мы дадим все необходимое, и немедленно»*. Право установления цен и порядка оплаты предоставлялось белградскому правительству, и ставилось только одно условие: **держат в тайне от Германии**. Позднее, когда правительство Цветковича сблизилось с государствами оси, в Москве начали затягивать поставки оружия: об этом было коротко и ясно заявлено в военном министерстве Советской России югославскому военному атташе. Организация белградского путча 27 марта этого года была кульминационным моментом этой подпольной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха. Сербский организатор этого путча и руководитель «Черной руки» господин Зимич до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха.

Вышеуказанные факты являются лишь небольшой частью неслыханной широкомасштабной пропагандистской деятельности СССР в Европе против Германии. Правительство рейха решило опубликовать имеющиеся в его распоряжении обширные материалы, чтобы представить на суд мировой общественности общую картину деятельности служб Советской России в этом направлении после заключения германо-русских договоров. В целом правительство рейха вынуждено констатировать:

При заключении договоров с Германией Советское правительство неоднократно и недвусмысленно заявляло, что оно не намерено прямо или косвенно вмешиваться в

дела Германии. При заключении договора о дружбе оно торжественно заявляло, что будет сотрудничать с Германией, чтобы в соответствии с подлинными интересами всех народов как можно быстрее положить конец войне между Германией с одной и Англией и Францией с другой стороны. В свете вышеуказанных фактов, особенно проявившихся в дальнейшем ходе войны, соглашения и заявления Советской России оказались умышленным обманом. Даже все преимущества, достигнутые лишь благодаря дружественной позиции Германии, не смогли побудить Советское правительство к лояльному отношению к Германии.

Более того, правительство рейха пришло к убеждению, что тезис Ленина, еще раз четко изложенный в «Директиве Коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года, согласно которому «возможно заключение договоров с другими странами, если они служат интересам Советского правительства и обезвреживанию противника», использовался и при заключении договоров 1939 года. Таким образом, заключение договоров о дружбе было для Советского правительства лишь тактическим маневром. Единственной целью для России было заключение выгодных ей соглашений и одновременно создание предпосылок для дальнейшего усиления влияния Советского Союза. Главной идеей было ослабление небольшевистских государств, с тем чтобы легче было их разложить и в подходящий момент разгромить. Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: *«СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше расплыли свои вооруженные силы, и поэтому СССР внезапно нанесет удар по Германии».*

III

Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и в Европе вообще не оставляет никакого сомнения в его позиции по отношению к Германии, то внешнеполитическая и военная деятельность Советского правительства после заключения германо-русских договоров носит еще ярче выраженный характер. В Москве во время разграничения сфер влияния правительство Советской России заявило министру иностранных дел рейха, что оно не намеревается занимать, большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства, за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего Польского государства. В действительности же, как показал ход событий, политика Советского Союза направлена исключительно на одно, а именно: в пространстве от Ледовитого океана до Черного моря, везде, где только возможно, выдвинуть вооруженные силы Москвы на Запад и распространить большевизацию дальше в глубь Европы.

Развитие этой политики характеризуется следующими этапами:

1. Началом развития этой политики явилось заключение так называемых договоров о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в октябре и ноябре 1939 года и возведение военных баз в этих странах.
2. Следующий ход Советской России был сделан по отношению к Финляндии. Когда требования Советской России, принятие которых грозило бы потерей суверенитета свободному Финскому государству, были отклонены финским правительством, Советское правительство распорядилось о создании

коммунистического псевдоправительства Куусинена. И когда финский народ отказался от этого правительства, Финляндии был предъявлен ультиматум, и в ноябре 1939 года Красная Армия вошла на территорию Финляндии. В результате заключенного в марте финско-русского мира Финляндия вынуждена была уступить часть своих юго-восточных провинций, которые сразу подверглись большевизации.

3. Спустя несколько месяцев, а именно в июле 1940 года, Советский Союз начал принимать меры против Прибалтийских государств. Согласно первому Московскому договору Литва относилась к сфере германских интересов. В интересах сохранения мира, хотя и скрепя сердце, правительство рейха во втором договоре по просьбе Советского Союза отказалось от большей части территории этой страны, оставив часть ее в сфере интересов Германии. После предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя таким образом непосредственно к границе Восточной Пруссии. Позднее последовало обращение к Германии по этому вопросу, и после трудных переговоров, пойдя еще на одну дружественную уступку, правительство рейха отдало Советскому Союзу и эту часть Литвы. Затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония. Таким образом, вся Прибалтика вопреки категорическим заверениям Москвы была большевизирована и спустя несколько недель после оккупации сразу аннексирована. Одновременно с аннексией последовало сосредоточение первых крупных сил Красной Армии во всем северном секторе плацдарма Советской России против Европы.

Между прочим, Советское правительство в одностороннем порядке расторгло экономические соглашения Германии с этими государствами, хотя по московским договоренностям этим соглашениям не должен был бы наноситься ущерб.

4. По вопросу о разграничении сфер влияния на территории бывшего Польского государства московскими договорами было ясно согласовано, что о границах сфер влияния не будет вестись никакая политическая агитация, а деятельность обеих оккупационных властей ограничится исключительно лишь вопросами мирного строительства на этих территориях. У правительства рейха имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз сразу же после занятия этой территории не только разрешил антигерманскую агитацию в польском генерал-губернаторстве, но и одновременно поддержал ее большевистской пропагандой в губернаторстве. Сразу же после оккупации и на эти территории были переброшены крупные русские гарнизоны.

5. В то время как германская армия на Западе вела боевые действия против Франции и Англии, последовал удар Советского Союза на Балканах. Тогда как на московских переговорах Советское правительство заявило, что никогда в одностороннем порядке не будет решать бессарабский вопрос, правительство рейха 24 июня 1940 года получило сообщение Советского правительства о том, что оно полно решимости силой решить бессарабский вопрос. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются и на Буковину, т. е. на территорию, которая была старой австрийской коронной землей, никогда России не принадлежала и о которой в свое время в Москве вообще не говорилось. Германский посол в Москве заявил Советскому правительству, что его решение является для правительства рейха совершенно неожиданным и сильно ущемляет германские экономические интересы в Румынии, а также приведет к нарушению

жизни крупной местной немецкой колонии и нанесет ущерб немецкой нации в Буковине. На это господин Молотов ответил, что дело исключительной срочности и что Советский Союз в течение 24 часов ожидает ответ правительства рейха. И на этот раз [правительство Германии] во имя сохранения мира и дружбы с Советским Союзом решило вопрос в его пользу. Оно посоветовало румынскому правительству, обратившемуся за помощью к Германии, пойти на уступку и рекомендовало ему отдать Советской России Бессарабию и Северную Буковину. Наряду с положительным ответом румынского правительства Германия передала Советскому правительству просьбу румынского правительства о предоставлении ему времени для эвакуации населения с этих больших территорий и для обеспечения жизни и сохранности имущества местных жителей. Однако Советское правительство снова предъявило Румынии ультиматум и еще до истечения его срока — 28 июня начало оккупацию части Буковины, а затем и всей Бессарабии до Дуная. И эти территории были тотчас аннексированы Советским Союзом, большевизированы и этим самым фактически разорены.

Оккупация и большевизация Советским правительством территории Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью противоречат московским договоренностям. Несмотря на это, правительство рейха даже тогда заняло по отношению к СССР более чем лояльную позицию. Оно проявило полный нейтралитет в финской войне и прибалтийском вопросе, поддержало позицию Советского правительства по отношению к румынскому правительству и смирилось, хотя и скрепя сердце, с реалиями, сложившимися в результате действий Советского правительства. Кроме того, чтобы с самого начала исключить возможность разногласия между обоими государствами, оно предприняло широкую акцию по переселению в Германию всех немцев с занятых СССР территорий. Правительство рейха считает, что вряд ли можно было представить более веское доказательство своего желания к длительному примирению с СССР.

IV

Экспансия России на Балканах вызвала территориальные проблемы в этом районе. Летом 1940 года Румыния и Венгрия обратились к Германии с целью урегулирования их спорных территориальных вопросов, после того как в конце августа из-за этих разногласий, разжигаемых английскими агентами, возник острый кризис. Румыния и Венгрия находились на грани войны между собой. Германия, которую Венгрия и Румыния неоднократно просили о посредничестве в их споре с целью сохранения мира на Балканах, совместно с Италией пригласила оба государства на конференцию в Вену, и по их просьбе 30 августа 1940 года состоялось решение Венского арбитража. В результате этого была установлена новая венгерско-румынская граница, а Германия и Италия, стремясь помочь румынскому правительству разъяснить своему народу причины понесенных им территориальных жертв и исключить в будущем любые столкновения в этом районе, приняли на себя обязательства гарантов Румынского государства в теперешних его границах. Так как русские претензии в этом районе были удовлетворены, эти гарантии никак не могли быть направлены против России. Несмотря на это, Советский Союз обжаловал это решение и вопреки своим прежним заявлениям о том, что с присоединением Бессарабии и Северной Буковины его претензии на Балканах удовлетворены, заявил о своих дальнейших интересах на Балканах, не определив их пока конкретно.

С этого момента все четче вырисовывается направленная против Германии политика Советской России. Правительство рейха получает теперь все более конкретные сообщения о том, что переговоры английского посла Криппса в Москве, тянувшиеся уже очень долго, развиваются в благоприятной атмосфере. Одновременно правительство рейха овладело документами, свидетельствующими об интенсивных военных приготовлениях Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются и найденным недавно в Белграде отчетом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором, между прочим, дословно говорится: *«По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено к августу 1941 года. Этот срок, очевидно, является и крайним (временным) пунктом, до которого не следует ожидать ощутимых изменений в советской внешней политике».*

Несмотря на недружественную позицию Советского Союза в балканском вопросе, Германия прилагает новые усилия к улучшению взаимопонимания с СССР, и министр иностранных дел рейха в письме к господину Сталину дает широкое изложение политики правительства рейха после московских переговоров. В письме особенно подчеркивается следующее: при заключении Тройственного пакта Германия, Италия и Япония единодушно исходили из того, что этот пакт никоим образом не направлен против Советского Союза, а дружественные отношения трех государств и их договоры с СССР вообще не должны затрагиваться этим соглашением. В Тройственном пакте, подписанном в Берлине, это зафиксировано и документально. Одновременно в письме выражается желание и надежда государств Тройственного пакта на дальнейшее улучшение дружественных отношений с Советским Союзом **и придание им конкретной формы** (*речь идёт, по всей видимости, о присоединении СССР к Оси – прим. ImpCommiss*). С целью дальнейшего обсуждения этих вопросов министр иностранных дел рейха приглашает господина Молотова в Берлин.

Во время визита господина Молотова в Берлин правительство рейха вынуждено было установить, что Россия готова к действительно дружественному сотрудничеству с государствами Тройственного пакта, и в особенности с Германией, лишь в том случае, если она готова выполнить поставленные Советским Союзом условия. Эти условия заключаются в дальнейшем проникновении Советского Союза на Север и Юго-Восток Европы. В Берлине и на последующих дипломатических переговорах с германским послом в Москве господин Молотов выдвинул следующие требования:

1. Советский Союз хочет предоставить Болгарии гарантии и в добавление к этому заключить с этим государством договор о взаимопомощи по образцу договоров о взаимопомощи в Прибалтике, т. е. с военными базами, в то время как господин Молотов заявляет, что это не коснется внутреннего режима Болгарии. С этой целью русский комиссар Соболев посетил в это время Софию.

2. Советский Союз требует заключения договора с Турцией с целью создания базы для сухопутных и военно-морских сил на Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В случае, если Турция не согласится с этим, Германия и Италия должны присоединиться к русским дипломатическим мероприятиям по принуждению ее к выполнению этих требований. Эти требования сводятся к господству СССР на Балканах.

3. Советский Союз заявляет, что он вновь ощущает угрозу со стороны Финляндии, и поэтому требует полного отказа Германии от Финляндии, что практически означает оккупацию этого государства и истребление финского народа.

Естественно, Германия не могла принять эти русские требования, **выполнение которых Советское правительство считало предварительным условием присоединения к государствам Тройственного пакта (да, действительно – прим. ImpCommiss)**. Этим самым усилия государств Тройственного пакта по достижению взаимопонимания с Советским Союзом потерпели фиаско. В результате этой германской позиции Россия усилила уже более открыто направленную против Германии политику, а ее все более тесное сотрудничество с Англией становилось очевидным. В январе 1941 года эта отрицательная русская позиция впервые проявилась и в дипломатической сфере. Когда в этом месяце Германия предприняла в Болгарии определенные контрмеры против высадки британских войск в Греции, русский посол в Берлине в официальном демарше указал на то, что Советский Союз считает территорию Болгарии и зону обоих проливов зоной безопасности СССР и что он не может равнодушно относиться к событиям в этих районах, угрожающим его безопасности. Поэтому Советское правительство предостерегает от появления германских войск на территории Болгарии и в зоне обоих проливов.

В ответ на это правительство рейха дало Советскому правительству исчерпывающие разъяснения причин и целей военных мер Германии на Балканах. Оно указало на то, что Германия всеми силами и средствами будет препятствовать закреплению Англии в Греции, но она не намеревается занимать проливы, а будет уважать суверенитет Турции. Проход германских войск через территорию Болгарии не может считаться ущемлением интересов безопасности Советского Союза, правительство рейха, напротив, полагает, что эти операции служат и советским интересам. После проведения операций на Балканах Германия выведет оттуда свои войска.

Несмотря на это заявление правительства рейха, Советское правительство в свою очередь сразу же после ввода германских войск опубликовало в адрес Болгарии заявление явно враждебного антигерманского характера, смысл которого сводился к тому, что присутствие германских войск в Болгарии служит не делу мира на Балканах, а интересам войны. Объяснение этой позиции дали правительству рейха участвовавшие к этому времени сообщения о все более тесном сотрудничестве между Советской Россией и Англией. Несмотря на это, Германия и на этот раз не отреагировала. К этой же категории относится и обещанное в марте 1941 года Советским Союзом Турции прикрытие с тыла в случае, если она вступит в войну на Балканах. Это было, как стало известно правительству рейха, **результатом англо-русских переговоров во время визита британского министра иностранных дел в Анкару, усилия которого были направлены на то, чтобы таким путем глубже втянуть Россию в английскую игру.**

V

С возникновением Балканского кризиса в начале апреля этого года усиливающаяся с этого времени агрессивная политика Советского правительства по отношению к германскому рейху и до сих пор в некоторой степени завуалированное сотрудничество между Советским Союзом и Англией становятся очевидными всему миру. Сегодня однозначно установлено, что **путч, затеянный в Белграде**

после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией с согласия Советской России. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно вооружала Югославию против государств оси. Бесспорным доказательством этому являются документы, попавшие в руки правительства рейха после занятия Белграда, которые раскрывают каждую фазу этих русских поставок оружия Югославии. После удавшегося путча Россия 5 апреля заключает с незаконным сербским правительством Симоновича дружественный пакт, который должен был укрепить позиции путчистов и помочь своим весом сплочению совместного англо-югославо-греческого фронта. 6 апреля 1941 года помощник американского госсекретаря господин Самер Уэлс, неоднократно встречавшийся до этого с советским послом в Вашингтоне, с явным удовлетворением констатирует в связи с этим: *«При известных условиях русско-югославский пакт может иметь огромное значение, он затрагивает многосторонние интересы, и имеются основания полагать, что он представляет собой нечто большее, чем только лишь пакт о дружбе и ненападении».*

Итак, в то время, когда германские войска были сосредоточены на территории Румынии и Болгарии против массированной высадки английских войск в Греции, **Советский Союз, теперь уже в явном сговоре с Англией, пытается нанести Германии удар в спину**, а именно:

- 1) открыто поддерживает Югославию, политически и тайно оказывает ей военную помощь;
- 2) заверяя Турцию в поддержке, пытается побудить ее к занятию агрессивной позиции по отношению к Болгарии и Германии и к вводу турецких войск во Фракию в весьма неблагоприятной военной обстановке;
- 3) сам сконцентрировал крупные военные силы на румынской границе, в Бессарабии и у Молдовы;
- 4) внезапно в начале апреля заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в беседах с румынским посланником Гафеску в Москве предпринимает попытку начать политику быстрого сближения с Румынией с целью побудить ее к отходу от Германии. Английская дипломатия при посредничестве американцев в Бухаресте предпринимает усилия в этом же направлении.

Согласно англо-русскому плану по германским войскам в Румынии и Болгарии планировалось нанесение удара с трех сторон, а именно: из Бессарабии, Фракии и Сербии—Греции. Лишь благодаря лояльности генерала Антонеску, реалистической позиции турецкого правительства и прежде всего оперативному вмешательству Германии и решающим победам германской армии этот англо-русский план был сорван. Как стало известно правительству рейха из сообщений, почти 200 югославских самолетов с советскими и английскими агентами, а также с сербскими путчистами под руководством господина Зимина частично отправлены в Россию, где эти офицеры служат сегодня в русской армии, а частично — в Египте. Уже один этот факт представляет в особом свете тесное сотрудничество Англии и России с Югославией.

Советское правительство напрасно пыталось всячески замаскировать истинные цели своей политики. Советское правительство, поддерживая в последнее время экономические сношения с Германией и предприняв ряд отдельных мер, хотело

продемонстрировать всему миру якобы нормальные или даже дружественные отношения с Германией. Сюда следует отнести высылку им несколько недель тому назад норвежского, бельгийского, греческого и югославского посланников, обход молчанием британской прессой германо-русских отношений, организованный британским послом Криппсом по согласованию с Советским правительством, и, наконец, опубликованное недавно опровержение ТАСС, изображавшее отношения между Германией и Советской Россией вполне корректными. Эти отвлекающие маневры, находящиеся в вопиющем противоречии с действительной политикой Советского правительства, не смогли ввести в заблуждение правительство рейха.

Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась постоянно усиливающейся концентрацией всех располагаемых Россией вооруженных сил на широком фронте от Балтийского до Черного моря. Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил было установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бессарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на I границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом I направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию европейской части России. После того как Советское правительство в свое время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Этим самым складывается впечатление, что **русские войска все ближе подходили к германской границе**, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. **И лишь эти действия русских вынудили германские вооруженные силы к принятию контрмер.** Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участвовавшие случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства, такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности. Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то оно было полностью развеяно сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых

соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки. Поступающая из Англии информация о переговорах английского посла Криппса с целью дальнейшего укрепления сотрудничества между политическим и военным руководством Англии и Советской России, а также воззвание бывшего всегда врагом Советов лорда Бивербрука о всемерной поддержке России в будущей борьбе и призыв к Соединенным Штатам сделать то же самое неопровержимо свидетельствуют о том, какую судьбу уготовили немецкому народу.

**ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ, ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:**

Советское правительство вопреки своим обязательствам и в явном противоречии со своими торжественными заявлениями действовало против Германии, а именно:

1. Подрывная работа против Германии и Европы была не просто продолжена, а с началом войны еще и усилена.
2. Внешняя политика становилась все более враждебной по отношению к Германии.
3. Все вооруженные силы на германской границе были сосредоточены и развернуты в готовности к нападению.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ. НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ — СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НЕ МОЖЕТ БЕЗУЧАСТНО ОТНОСИТЬСЯ К СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ. ПОЭТОМУ ФЮРЕР ОТДАЛ ПРИКАЗ ГЕРМАНСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОТВЕСТИ ЭТУ УГРОЗУ. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ОСОЗНАЕТ, ЧТО В ПРЕДСТОЯЩЕЙ БОРЬБЕ ОН ПРИЗВАН НЕ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ РОДИНУ, НО И СПАСТИ МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И РАСЧИСТИТЬ ДОРОГУ К ПОДЛИННОМУ РАСЦВЕТУ В ЕВРОПЕ.

Берлин, 21 июня 1941 года

ЛИТОВЦЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

После того, как Литовская республика была присоединена к СССР, 17 августа 1940 г. из частей бывшей литовской армии был сформирован 29-й литовский территориальный стрелковый корпус (Raudonosios darbininkų ir valstiečių armijos 29-asis teritorinis šaulių korpusas), 179-я и 184-я стрелковые дивизии. Всего солдатами и офицерами Красной Армии стало 16 000 литовцев.

Согласно постановлению СНК Литовской ССР и директиве Наркома обороны СССР 0/2/105022 от 17 августа 1940 года за подписью С. Тимошенко и Б. Шапошникова Военному Совету Прибалтийского военного округа предписывалось: "В 22,24, 29-м стрелковых корпусах сохранить существующую форму одежды, предложив снять погоны и ввести знаки различия начальствующего состава Красной Армии".

На основании данной директивы Командующий округа издал приказ № 0010 от 27 августа 1940 года, где за пунктом 10 было указано:

"Оставить личному составу стрелковых территориальных корпусов форму одежды, существующую в Народных армиях, сняв погоны и введя знаки различия начальствующего состава Красной Армии". Таким образом, у солдат и офицеров сохранялась форма довоенной литовской армии – только вместо пагонов были введены петлицы, шевроны и другие знаки различия, принятые в тот период в Красной армии.

Форменный китель офицера литовской армии, образца 1940 г.

Выпушки приборного цвета на брюках, обшлагах и воротниках мундира, а также на фуражке, как правило, сохранялись. В пехоте приборный цвет был желтый, в артиллерии — черный, в кавалерии — белый, в технических войсках — красный, в авиации — малиновый. Амуниция солдат и офицеров была немецкого образца, но литовского производства, в качестве защитного головного убора использовалась немецкая каска образца 1918 года.

Шинель офицера литовской армии

Несколько отличное от пехотного было обмундирование литовской кавалерии, однако литовские кавалерийские части в отличие от пехоты были включены в состав 6-го кавалерийского корпуса РККА Западного Особого Военного округа.

Вооружение и оснащение

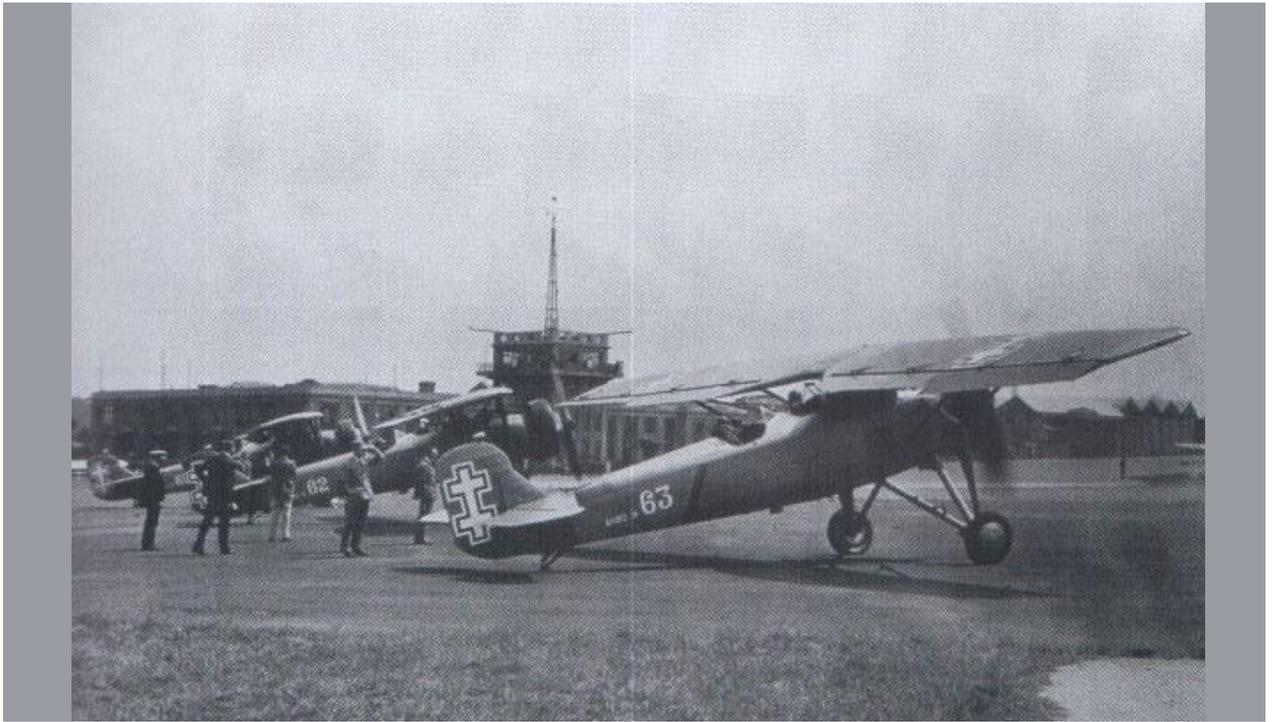
Основным вооружением пехотинцев 29-го стрелкового корпуса РККА была винтовка Mauser различных модификаций (немецкая Mauser 98-II, бельгийская Mauser 24/30, чехословацкая Mauser 24, литовская копия бельгийской винтовки — Mauser L) и пулеметы: немецкий тяжелый 7,92-мм Maxim образца 1908 года и

Пехотинец 29-го корпуса РККА в униформе литовской армии с советскими петлицами

Кроме легких артиллерийских систем на вооружении артиллерийских полков корпуса находились 75-мм пушки и 105-мм гаубицы Schneider французского производства, русские 76,2-мм орудия образца 1902 и 83,8-мм пушки английского производства.

в 29-м стрелковом корпусе РККА использовались литовские легкие автомобили повышенной проходимости LTJ ("Jaimosis Lietuvos"), которые производились небольшими сериями с 1937 года.

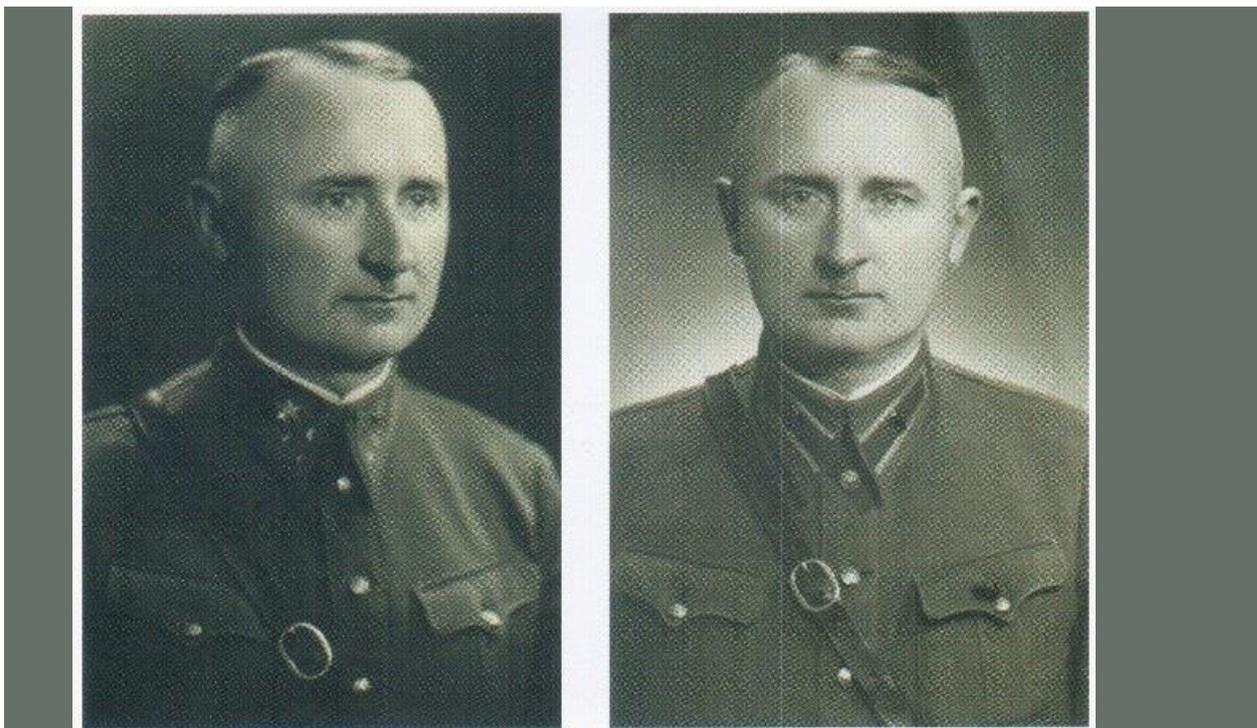

Литовские самолеты на аэродроме в Каунасе, 1934 год

Интересным фактом является то, что в состав 29-го корпуса РККА входил авиаотряд бывшей литовской армии (девять легких бомбардировщиков ANBO-41, один истребитель Gloster Gladiator – I и три учебно-тренировочного самолета ANBO-51), а также Вильнюсское пехотное училище (бывшее Литовское юнкерское училище, переведенное из Каунаса, на лето 1941 г. – 1220 курсантов).

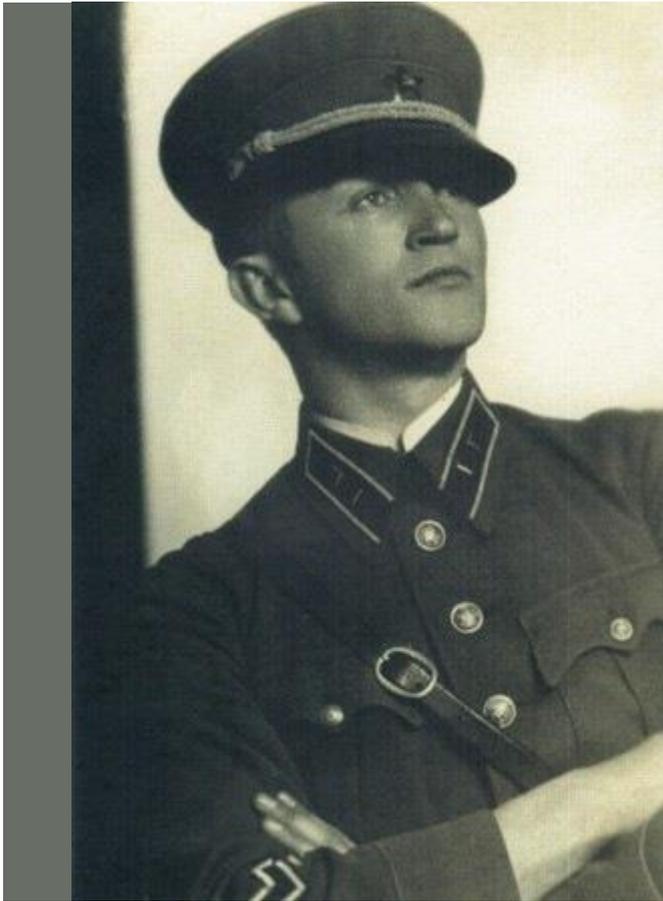
Командный состав

Командиром 29-го корпуса был назначен бывший Главнокомандующий литовской армии, дивизионный генерал Винцас Виткаускас (Vincas Vitkauskas), которому в 1940 г. было присвоено звание генерал-лейтенанта РККА.

Капитан Иероним Сабальяускас. Слева с литовскими знаками различия, а справа уже с советскими

В литовское соединение были направлены советские политработники, которые в основной своей массе литовцами не являлись и общались с личным составом через переводчика.

Лейтенант Миколас Орбакас. На пуговицах мундира довоенный герб Литвы

В мае – июне 1941 г. большинство офицеров бывшей литовской армии были по разным причинам удалены из корпуса. Значительное их количество было арестовано. Вскоре командира корпуса генерал-лейтенанта Винцаса Виткаускаса сменил генерал-майор Александр Самохин; начальника штаба корпуса генерал-майора Йонаса Чернюса (Jonas Cernius) – полковник Павел Тищенко; командира 179-й дивизии генерал-майора Альбинаса Чяпаса (Albinas Čepas) – полковник Александр Устинов; командира 184-й дивизии генерал-майора Владаса Карвялиса (Vladas Karvelis) – полковник Матвей Виноградов.

Война

С началом вторжения германских войск на территорию СССР 22 июня 1941 г. в 29-м Литовском территориальном стрелковом корпусе РККА начались убийства командиров (не литовцев) и массовое дезертирство.

Лейтенант Брониус Пупинис, 1940 г.

26 июня советские войска были вытеснены германскими войсками с территории Литвы. Из 16 000 военнослужащих 29-го Литовского территориального стрелкового корпуса с частями Красной армии отступили только 2000 человек. К 17 июля 1941 г. остатки корпуса отошли к Великим Лукам. 23 сентября 1941 г. 29-й Литовский территориальный стрелковый корпус был расформирован.

18 декабря 1941 г. по просьбе ЦК КП(б) Литвы и правительства Литовской ССР Государственный комитет обороны СССР постановил начать формирование 16-й Литовской стрелковой дивизии (16-oji Lietuviškoji šaulių divizija).

Офицеры 29-го корпуса

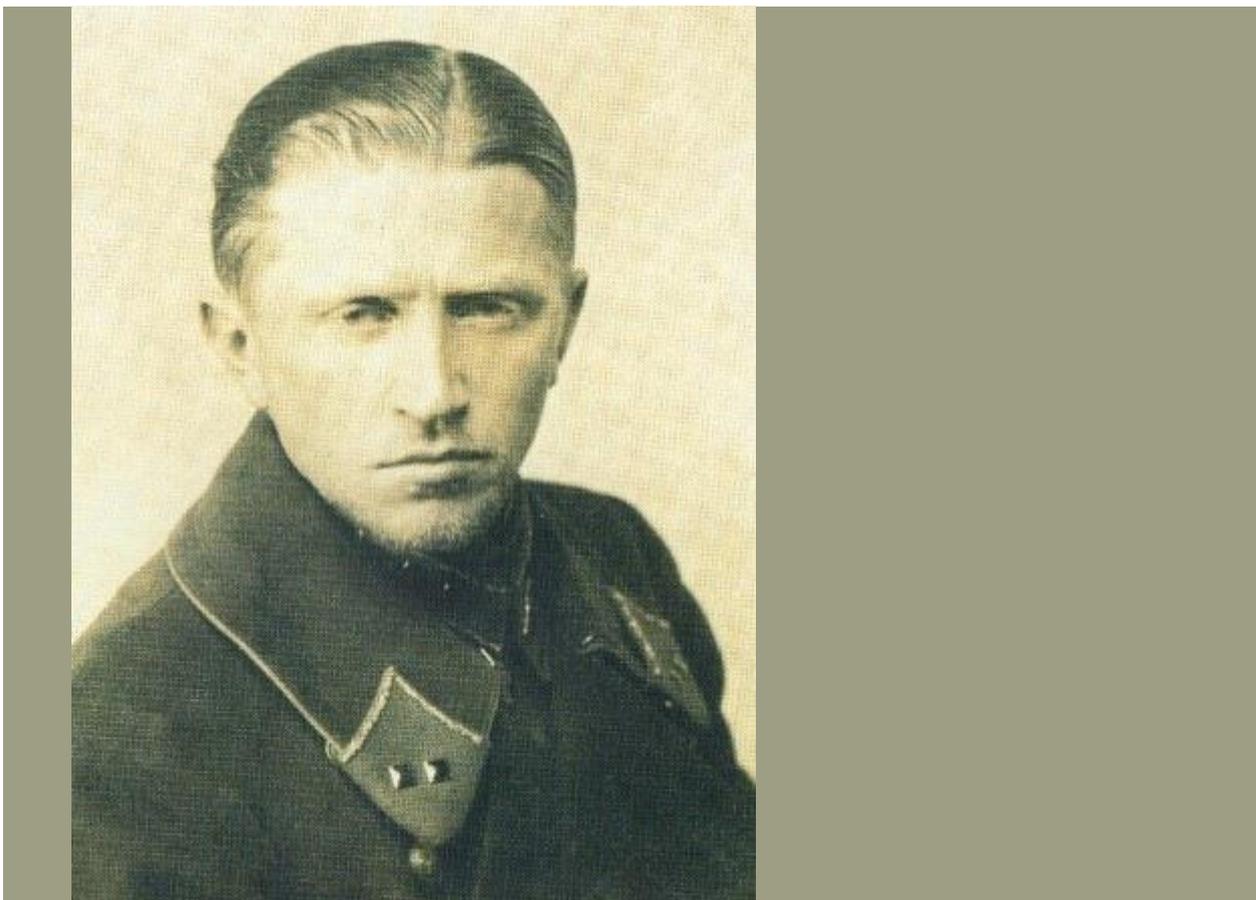
Формирование проводилось в районе города Балахна Горьковской области и осуществлялось преимущественно за счет беженцев из Литвы (парработники, сотрудники милиции, активисты-общественники, литовские евреи) и литовцев – уроженцев других республик СССР. Офицерский состав комплектовался выпускниками Вильнюсского пехотного училища, которое было эвакуировано в самом начале войны в город Новокузнецк Кемеровской области.

Дивизия состояла из трех стрелковых и одного артиллерийского полка, одной отдельной зенитной батареи, отдельного истребительного противотанкового дивизиона и отдельного минометного батальона. Языком официальной документации, команд и приказов являлся русский язык. Командиром дивизии был назначен генерал-майор Феликс Балтушис-Жемайтис (Feliksas Baltušis-Žemaitis).

Командир 29-го корпуса генерал Самохин в немецком плену

К 1 января 1943 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия насчитывала 10 250 солдат и офицеров (литовцев – 36,3%, русских – 29%, евреев – 29%). 21 февраля 1943 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия впервые вступила в бои у Алексеевки в 50 км от города Орел. Ее атаки не имели успеха, дивизия понесла большие потери и 22 марта была отведена в тыл. 18 апреля 1943 г. командиром дивизии стал генерал-майор Владиславас Карвялис.

Лейтенант в литовской шинели на которую нашиты советские петлицы

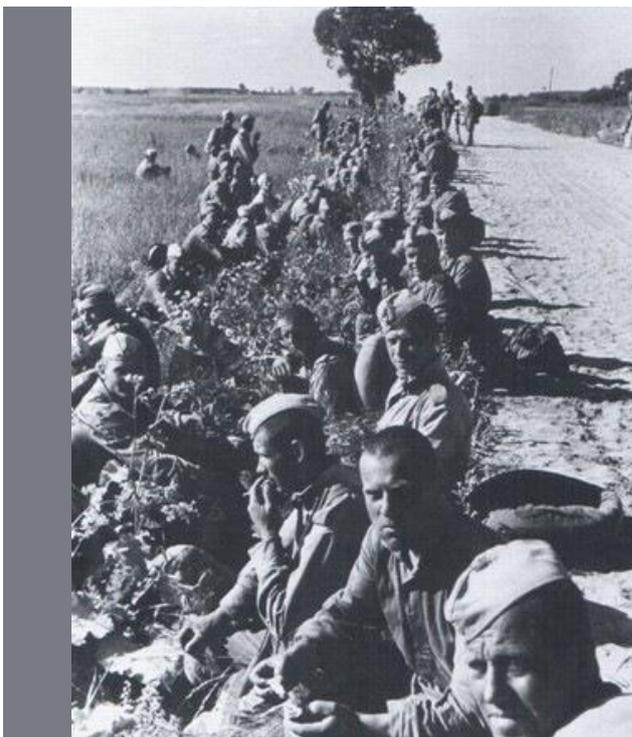
С 5 июля по 11 августа 1943 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия приняла участие в оборонительных, а затем наступательных боях Курской битвы, где понесла большие потери (4000 убитых и раненых) и была отведена в тыл. В октябре 1943 г. дивизия в составе Калининского фронта приняла участие в безуспешных атаках позиций германской армии к югу от Невеля. В ноябре 1943 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия, несмотря на большие потери (3000 убитых и раненых), отразила наступление германских войск южнее Невеля.

Еще до войны.

В декабре 1943 г дивизия в составе 1-го Прибалтийского фронта участвовала в освобождении города Городок. Весной 1944 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия вела бои в Беларуси, под Полоцком. 13 июля 1944 г. советские войска, в числе которых находилась литовская дивизия, освободили Вильнюс. В августе 1944 г. дивизия приняла участие в оборонительных боях под Шауляем, понесла большие потери и была отведена в тыл.

С августа 1944 г. с территории Литвы начался призыв в Красную армию. Всего за август 1944 г. – апрель 1945 г. было призвано 108 378 человек. В связи с этим число литовцев в 16-й Литовской стрелковой дивизии выросло с 32,2% на 1 июля 1944 г. до 68,4% по состоянию на 27 апреля 1945 г. В сентябре – октябре 1944 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия отличилась в боях под Клайпедой, за что в январе 1945 г. получила название «Клайпедской». 2 ноября 1944 г. командиром дивизии стал полковник Адольфас Уршбас (Adolfas Urbšas).

Красноармейцы из 16-й литовской дивизии, июль 1944-го

С января 1945 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия в составе 1-го Прибалтийского фронта приняла участие в боях в Курляндии, где 8 мая того же года встретила окончание боевых действий.